

## РЕВОЛЮЦИЯ СОЛОНА

К. М. Колобза

Солон выступает перед нами в тот момент, когда борьба партий стала уже принимать форму вооруженного столкновения. Аристотель, описав положение предсолонической Аттики, очень скупо говорит о самом столкновении враждебных партий: народ восстал против своих угнетателей ἀντίστη τοῖς γ' ἰσχυροῖς ὁ δῆμος.<sup>1</sup> В какие формы облеклось восстание — сказать трудно. Текст «Афинской политики» позволяет думать о готовившемся вооруженном столкновении, если выражение ἀντιπαθημένων ἀλλήλους, употребленное Аристотелем в следующей фразе, понимать буквально, как «стоящие лагерем друг против друга».

Однако дело до вооруженного столкновения не дошло, и евпатридская знать была вынуждена сделать значительные уступки. Предполагают,<sup>2</sup> что Солон перед вступлением в должность архонта, вместо обычной клятвы архонтов беречь и охранять существующие порядки, обещал провести сложение долгов. Это открытое нарушение традиций было бы вполне понятным в обстановке вооруженного восстания.

Реформы Солона представляют очень сложный и спорный во многих пунктах комплекс.<sup>3</sup> Задача данной работы — общая характеристика реформ Солона, начинающих последний, революционный период формирования греческого общества в его типичной афинской политической форме.

Земельные реформы Солона — сложение долгов, уничтожение ипотечных знаков на мелких земельных участках, возвращение в среду граждан порабощенных афинян — все эти реформы могли быть проведены только тогда, когда привозное рабство, ввоз рабов *извне* Аттики,

<sup>1</sup> Arist. 'Aθ. Πολ. 5, 1, 2. Busolt (Griech. Geschichte, II<sup>2</sup>, 1895), ссылаясь на это место Аристотеля, говорит прямо: «Lange Zeit war die Bürgerschaft wie in zwei feindliche Lager gespalten» (стр. 255).

<sup>2</sup> Wilamowitz-Moellendorf, Aristoteles und Athen, II, 62.

<sup>3</sup> Взгляды ученых на реформы Солона и на самого реформатора являются чрезвычайно противоречивыми и прямо противоположными друг другу. Мы сейчас не входим в оценку и не даем сводки всех этих разнообразных взглядов; к тому же нам кажется, что этот огромный труд обзора всей литературы по Солону — на протяжении десятилетий — мало плодотворен. Однако, кажется, что все эти противоречивые характеристики вытекают из одной предпосылки: до сих пор не нащупан правильно ход внутреннего развития и становления греческого рабовладельческого общества, в данном случае — в его афинском варианте. Отсюда в одном случае вытекает утверждение, что Солон — это сама революция, что он мог бы сказать про себя «Революция — это я» (I am the Revolution; см. Lillforth, Solon the Athenian, p. 49; 86, 1919), в другом случае, что Солон — это умеренный консерватор, тормозивший революционное движение. При методе психологического проникновения в факты, отдельные реформы неизбежно вырываются из исторического контекста, и Солон остается как бы непознанной «велью в себе», допускающей самые различные толкования о внутренней сущности и социальном характере его реформ.

«сделалось уже преобладающим. Из этом смысле утверждение Энгельса, что уже до Солона «количество рабов значительно возросло...»<sup>1</sup> остается в подпой силе.

Коллектив свободных рабовладельцев, пополненный согражданами-должниками, нуждался теперь в новой политической организации. Если евпатриды, на заре рожденья афинского государства, не изменили, но лишь приспособили к новым функциям старые органы родового строя, то уже очень скоро последние начали тормозить развитие новых производительных сил. Но понадобилось, однако, несколько столетий упорной борьбы для того, чтобы принцип экономической мощи, на котором в свое время фактически выросли евпатриды, выступил внезапно изжитым родовым делением на роды, фратрии и филы. Афинское общество реорганизуется при Солоне по имущественному признаку в четыре класса: пентакосиомедимны, всадники, зевгиты и феты. Есть, впрочем, основания думать, что это деление существовало уже и до Солона, вероятно, в податных целях, и что именно на основе этого деления взималась подать навкрарам. По крайней мере Аристотель подчеркивает, что разделение было проведено «именно так (*καθάπερ*), как делились и раньше». <sup>2</sup> Но эти имущественные различия и самые термины — пентакосиомедимны, всадники, зевгиты и феты — бытовали, не будучи юридически закреплены, и находились в подчиненном отношении к родовой форме деления общества на евпатридов и простой народ. <sup>3</sup> Для Солона же эти существовавшие уже различия стали основой переустройства общества, в котором имущественный ценз теперь должен был определять место и роль в политическом коллективе каждого гражданина. При этом любопытно отметить, что старая двучленность деления — полноправная знать и неполноправные общинники — осталась сохраненной, поскольку три класса

<sup>1</sup> Fr. Engels. Der Ursprung der Familie, des Privateigentums und des Staats, M.-L., 1934, стр. 103.

<sup>2</sup> Arist. 'Αθ. Πολ. 7, 3.

<sup>3</sup> О происхождении названий всех четырех классов и бытовании их до Солона существует огромная литература. Название первого класса *πεντακοσιομίδων*, как это неоднократно указывалось в литературе, восходит к тем временам, когда зерновые культуры и земледелие играли первенствующую роль, а производство оливкового масла и вина было еще в зачаточном состоянии. Ср. Ed. Meyer, Gesch. d. Altert., II<sup>2</sup>, стр. 182, прим. 3 (там же и литература). Название четвертого класса — *φῆτες* — строится, очевидно, по тому же сельскохозяйственному признаку, обозначая малоземельных или безземельных людей, батрачащих на полях. Ср. Ed. Meyer, Gesch. d. Altert., II<sup>2</sup>, стр. 305—306. Термин *ἑβγίται* — также довольно ясен: о нем см. Ch. Gilliard, Quelques réformes de Solon, 1970, стр. 227; Busolt, Griech. Staatskunde, II, 823 и прим. 2; сложное дело с объяснением термина для третьего имущественного класса — *ζευγίται*. Он вызывает большие споры, и его происхождение и первоначальный смысл пока не могут считаться выясненными. Обычно производят этот термин от *ζεύγος* (упряжь, ярмо) и объясняют зевгитов, как среднее свободное крестьянство. Ср. Poll., VIII, 132; Busolt, Griech. Staatskunde, II, 823. C. Cichorius, Zu den Namen d. attischen Steuerklassen (Griech. Studien, Lpz., 1894, стр. 134 сл.), однако, считает, что классы имели первоначально военное значение. Он и вслед за ним Beloch (I<sup>2</sup>, 2, 319) ищут разгадку термина у Πίλιτ (Pelop., 23), видя в зевгите строевого члена фаланги, гоплита. Против этого возражает S. Luria (Bemerkungen zur Arist. 'Αθ. Πολ., Raccolla Lombroso, стр. 309—311), выдвигая свое толкование: *ζευγίταις* — «ein Nebenmann» и считая идентичным этому понятию спартанское *παρτάτατος*. Зевгит, по мнению С. Я. Лурье, является своего рода «оруженосцем», представителем малоимущей родовой знати, которая, таким образом, включала в себя и пентакосиомедимнов, и гипшеев, и зевгитов, выбрасывая обедневшие слои к фетам.

были противопоставлены четвертому — неполноправному — классу фетов. Однако непреходимая грань, отделившая некогда потомков героев от рядовой массы, теперь была перекрыта, правда, далеко не для всех одинаково легко проходимым, но все же проходимым, мостом имущественного ценза. Аристотель иллюстрирует это как нельзя лучше, приводя текст древней надписи с посвятельного памятника, находившегося на Акрополе:

Διφίλου Ἀνθεμίω τῆνδ' ἀνέθηκε θεοῖς,  
 θῦτικῶ ἀντὶ τέλους ἰππάδ' ἀμειψάμενος.

Этот Антемион сын Дифила, из фета ставший всадником,<sup>1</sup> конкретно воплотил в себе новый принцип молодого рабовладельческого общества, а именно — возможность перемещения граждан с низших на высшие ступени общественного положения и обратно. Наряду с этим любопытно отметить, что фактическим перемещением Антемиона из четвертого солоновского класса во второй здесь засвидетельствована единая рабовладельческая природа всех четырех имущественных классов Солона: все это, в конце концов, подразделения единого, становящегося у власти, коллектива свободнорожденных рабовладельцев. В этом скрывается, может быть, причина того, что афинская беднота навсегда остается лишь люмпенпролетариатом, низшей прослойкой общины свободных, вставшей над коллективно эксплуатируемыми рабами.

До Солона далеко не всякий богач имел доступ к архонтату. Отличие разбогатевших общинников и знати фактически существовало на основе родовых форм только в политике до-солоновского общества: оно выражалось в праве одних участвовать в управлении государством в качестве архонтов и членов ареопага и в лишении этого права других. Но экономическая сущность богачей обеих категорий была совершенно одинакова: их богатство основывалось на эксплуатации чужого труда и в обоих случаях чужой труд выступал в форме рабского труда. Это экономическое единство богачей нового периода с богачами-евпатридами и было той базой, на основе которой могла быть произведена солоновская реформа, с одной стороны разделившая общество на четыре имущественных класса, а с другой слотившая все четыре класса в один рабовладельческий коллектив. Но тем самым родовое членение общества было выбито из его позиций; привилегия происхождения от богов и героев заменилась привилегией наличного имущества. В связи с этим был сделан шаг к тому, чтобы всех состоятельных свободнорожденных афинян превратить в новую имущественную знать, и, далее, к тому, чтобы весь коллектив свободных афинян, коллектив в целом, стал своего рода «знатью», облеченной политическими правами по отношению к метекам, рабам, а затем и к союзникам.

Это в значительной мере и было совершено Клисфеном. Экономическим содержанием солоновского деления на классы была, таким образом, фиксация частной собственности вообще и частной собственности на землю — в особенности. Этот экономический момент красной нитью проходит через все реформы Солона. Основой иму-

<sup>1</sup> Arist. 'Aθ. Πολ. 7, 10—18.

щественного ценза оставалась земля. Люди, не имеющие таковой, превращаются в *ἄποροι*, а тем самым — в бесправных или неполноправных людей. Тем самым и право на литургии и высшие государственные должности отходят к наиболее зажиточной верхушке, сконцентрированной в первые имущественные классы. Однако значение имущественного ценза, введенного или узаконенного<sup>1</sup> Солоном, — этим не исчерпывается. Имущественно-правовая семантика нового термина *τιμήατα παρῆχομενοι* (*paréchothai*) была качественно новой заменой прежнего, задолго до Солона бытовавшего термина *ἄπλα παρῆχομενοι*.<sup>2</sup> При этом прежнее родовое членение общества на филы осталось нетронутым. Более того — старые филы были приспособлены к новому политическому устройству общества в их прежней роли избирательных единиц: по филам избирались, как известно, члены нового совета четырехсот, поставленного рядом с древним советом Ареопага; по филам же, согласно Аристотелю, избирались сорок кандидатов на должность девяти архонтов с последующей жеребьевкой. Это же деление, повидимому, продолжало лежать и в основе организации войска: военной единицей, как и в более поздние времена, являлась *φύλη*, то есть отряд воинов, поставляемых филлой. Четыре имущественные класса начинают служить основой для деления войска, как мы сказали бы, по родам оружия на основе ценза. На место *ἄπλα παρῆχομενοι* становятся *τιμήατα παρῆχομενοι*; господствующему классу должно принадлежать и право вооружения. При этом, однако, уже не вооружение, как раньше, но ценз играет определяющую роль.

<sup>1</sup> Мнения относительно того, введены ли четыре имущественные класса Солоном, или их нужно относить к до-солоновскому обществу, значительно расходятся: за более древнее происхождение высказываются Hermann-Thumser, Griech. Staatsaltert. II<sup>6</sup> (1892), стр. 383—387; Schömann — Lipsius, Griech. Altert. I<sup>4</sup> (1897), стр. 340, 345 сл.; Wilamowitz, Arist. u. Athen, II, 52, 305; Э. П. Штерц, Солон и деление аттических граждан на классы, Хартия (Сб. в честь Корша, М., 1896, 69 сл.); Ch. Gilliard, Quelques réformes de Solon, стр. 277; Busolt, Griech. Staatskunde, II, 820 сл. Наоборот, Ed. Meyer, Gesch. d. Altert. II, 653 (1893), V. Ehrenberg и ряд русских исследователей (Бузескул, А. И. Тюменев), приписывают эту реформу Солону. Beloch, Griech. Gesch. (I<sup>2</sup>, 1, 295, 302), примыкая к этой же точке зрения, делает, однако, существенную оговорку во втором полутоме 1-го тома (I<sup>2</sup>, 2, 319—320): имущественные классы Солона, по его мнению, служили лишь целям управления, но не имели отношения к праву быть избранными на должности. Если замещенные должности архонтов по цензу имели место уже до Солона, то реформа Солона могла состоять только в учете подвижности; в этом случае ценз уже тогда должен был существовать и в денежном выражении. Однако это мало вероятно для эпохи Солона: это случилось, вероятно, лишь позже, а именно — после преобразований Писистрата. К этому же взгляду примыкает и E. Cavagnat, Sur les variations du cens des classes Soloniennes (Rev. p. Philol., 32, 1908, стр. 36 сл.) и Les classes Soloniennes (Vierteljahrsschrift f. Sozial- u. Wirtschaftsgesch. IX/1911), стр. 1 сл. В этих работах Кавеньяк, однако, пытается показать, что реформы Солона отнюдь не являются демократическими и что солоновские соотношения классов нужно рассматривать лишь как приспособление старых имущественных отношений к переходу на новую систему мер. Среднее положение в этом споре занимают G. Gilbert, Gr. Staatsaltert. I<sup>4</sup> (1893), 143 сл.; B. Keil, Die Solonische Verfassung, 1892, стр. 68; De Sanctis, 'Αρχαιολογία, 1912, 230; Lehmann-Haupt, Gr. Gesch. (Gercke u. Norden, Einl. in die Altertumswiss., III<sup>2</sup> (1914), 20, 112 и др. Подробную характеристику взглядов всех наиболее крупных ученых см. у Busolt'a, II, 820, прим. 2; Е. Кагаров, Взгляды Энгельса на происхождение афинского государства в свете новейших исторических исследований (ИАИ, 1931, стр. 932 сл.).

<sup>2</sup> Wilamowitz-Moellendorf, Aristoteles u. Athen, II, 217—218; ср. Busolt, ук. соч., II, 821, прим. 1.

Здесь опять выступает компромисс, характерный для реформ Солона: цензовое деление граждан по родам оружия еще уживается с родовым делением на филы. Так, третий имущественный класс поставлял гоплитов, но войско гоплитов членилось на основе четырех фил. Родовой характер избирательных округов и военных единиц был последним оплотом евпатридской знати, сохранившей, в силу традиции, свое влияние внутри родовых подразделений общества. Борьба за цензовое право вооружения была направлена против господствующей роли родовой знати в военном деле. Таким образом, эта реформа, вводя новый принцип военной организации общества, тем самым направлена и против четырех, временно сохраненных в прежней силе, родовых фил. Выбить евпатридов из этой последней крепости, лишить политического значения округа старых фил, замешать их уже чисто-территориальным делением, притом с явным перевесом в пользу города и торговых элементов Паралии<sup>1</sup> — такова была задача, подлежащая разрешению и разрешенная реформами Клисфена. Но возможность и путь к ее разрешению даны были уже реформами Солона.

Это деление на четыре имущественные класса, выступающее пока лишь параллельно со старым родовым делением, и становится той основой, на которой перестраивает свой аппарат государство. Наряду с Ареопагом и, очевидно, против него создается совет четырехсот, последний явился как бы «народным советом» в противовес «родовому совету» знати.<sup>2</sup> Плутарх говорит: «Видя, что народ еще волнуется и осмелел от снятия долгов, Солон установил вдобавок второй совет, назначив по сто человек от каждой из существовавших четырех фил: им он определил рассматривать дела раньше народа и не позволять вносить что-либо в народное собрание без предварительного обсуждения. Верхний совет (Ареопаг) он поставил блюстителем всего и стражем законов, полагая, что государство, покоясь на двух советах, как на двух якорях — будет меньше подвержено качке, и народ станет более спокойным».<sup>3</sup>

Перестраивая политическое общество, новый принцип частной собственности должен был произвести соответствующую перестройку и в частной жизни афинских граждан. Мы не знаем хронологической последовательности реформ Солона, если не считать сложения долгов, которое, очевидно, открывает собой ряд преобразований, но можно с уверенностью сказать, что любая реформа Солона вызвала бы к жизни все остальные — настолько тесно и органически связаны они друг с дру-

<sup>1</sup> Arist. 'Aθ. Пол. 21, 4. Отметим, что в городе к этому времени преобладали уже не земледельческие, а торгово-ремесленные элементы.

<sup>2</sup> Wilamowitz (Nordionische Steine, Abh. der preuss. Akad., 1909, стр. 64 сл.) сравнивает его с хийским βουλὴ δημοσίου... ἀπὸ φυλῆς. Этот совет должен был собираться в девятый день каждого месяца как для разбора государственных дел (τὰ δημόσια), так, повидимому, и для решения процессов о злоупотреблениях должностных лиц, апелляции на которых поступали в течение месяца. Название βουλὴ δημοσίου предполагает, что наряду с этим советом существовал еще другой — аристократический — совет, подобно тому как наряду с βουλευσις здесь упомянуты народные магистраты — демархи (так называли греки впоследствии римских народных трибунов). См. об этом еще E. Nachmanson, Eranos, XIII, 91 сл.; Busolt, Griech. Staatskunde, II, 845; M. Tod, A Selection of Greek Historical Inscriptions, Oxf., 1933, № 1, стр. 1—3.

<sup>3</sup> P i n t. Solon, 19. (Судя по языку и размеру, это место — прозаический пересказ утраченных подлинных стихов самого Солона. — Ред.)

гом. На эту связь обычно исследователи обращают мало внимания, и поэтому нам кажется необходимым особенно ее подчеркнуть.

Законы Солона, касающиеся вопросов завещания, системы эциклерата, незаконных детей и вопросов приданого, тесно связаны с земельными отношениями этой поры.

Закон Солона о завещаниях в передаче Плутарха изложен так: «... раньше завещание было невозможно, но в роде умершего должны были оставаться и его состояние и его хозяйство (ἀλλ' ἐν τῷ γενεῖ τοῦ τελευτήκοτος ἔδει τὰ χρήματα καὶ τὸν οἶκον καταμένειν); Солон же, разрешив, при отсутствии детей, передавать свою собственность (τὰ ἀκόθ) кому угодно, оказал предпочтение узам дружбы перед узам родства и личному расположению перед необходимостью и превратил владение в собственность владеющих — καὶ τὰ χρήματα κτήματα τῶν ἐπόντων ἀποήσαν». <sup>1</sup> У

Родовые традиции, при которых имущество должно было оставаться в роде умершего, до Солона были еще в полной силе. Мы должны только оговорить, что это уже не традиции рода в его чистой форме. В древнюю форму исконных обычаев влило уже совершенно иное содержание. Традиция сохранять имущество внутри рода, о чем говорит Плутарх, поддерживалась даже, в случае необходимости, нарушением основы родовых связей, которое конкретно выступает в системе эциклерата.

Морган, говоря об эциклерате, указывает, что здесь «род перешел из архаической в свою конечную форму». <sup>2</sup> Энгельс говорит еще более решительно: «Так как с введением отцовского права имущество богатой наследницы при ее замужестве переходило бы к ее мужу, то есть в другой род, то проломили основу, на которой покоится всякое родовое право, и не только дозволили, но и приказали (подчеркнуто Энгельсом), чтобы в этом случае девушка выходила замуж внутри рода с целью сохранить имущество за последним». <sup>3</sup>

Первоначальная сущность эциклерата, таким образом, совершенно ясна: в случае отсутствия сыновей дочь умершего должна была выйти замуж за наиболее близкого родственника по отцовской линии; сын, рожденный от этого брака, входил не в семью отца, по оставался в семье матери, принимая название θυγατρικός, то есть сын дочери или точнее — сын посредством дочери. С точки зрения права и культа он рассматривался как сын своего деда и, достигая совершеннолетия, вступал во владение его имуществом. Дочь-наследница

<sup>1</sup> Plut. Solon. 21. Нам кажется, что οἶκος в приведенном месте в сочетании и в противоположении с χρήματα следует понимать не как «дом», а именно как «хозяйство», т. е., главным образом, недвижимость. Другими словами — разделять в правовом отношении земельный участок и дом, по нашему мнению, нет оснований. Ἐν τῷ γενεῖ мы перевели: «в роде». Однако и здесь надо заметить, что речь идет, собственно, не об общинном родовом владении, а о частном наследовании движимого и недвижимого имущества умершего — в первую очередь детьми, а при отсутствии их — сначала ближайшими, а затем и дальними «сородичами». Перед нами уже ослабленные отзвуки родового общества; недаром Энгельс говорит, что свобода завещания, введенная Солоном — «учреждение, бывшее прямо в лицо древнему родовому строю». Последняя фраза данного текста Плутарха тесно связана по существу с реформой сложения долгов. Это ясно следует и из текста Диогена Лаэртца о сейсахфии: τὸ δὲ ἦν ἀπὸ τῶν παλαιῶν τε καὶ κτημάτων. Diog. Laert. De clar. philosoph. I, 2, 45 (ed. Cobet), Paris, 1362 (Didot).

<sup>2</sup> Морган. Древнее общество (пер. М. О. Косвена), Л., 1934, стр. 126.

<sup>3</sup> Fr. Engels, ук. соч., стр. 88.

рассматривается здесь в значительной мере как «машина» для родов, получая в награду лишь обеспечение от сына.<sup>1</sup>

Во времени Солон этот институт был наполнен уже иным содержанием. Развитие общественного богатства в движимом имуществе и деньгах, ослабление родовых связей, в сущности, оставили от эпиклерата только форму. Девушка сплошь и рядом выходила замуж за старика, и брак оставался номинальным.<sup>2</sup> В силу бездетности наследство покойного переходило, таким образом, в руки его сородичей и, оставаясь в роде, усиливало процесс концентрации как движимого, так и недвижимого имущества в руках отдельных семей. Интересы женщины при этом не принимались во внимание, и, не имея никакой роли в наследстве, она сама оказывалась лишь частью последнего. Об этом свидетельствуют и термины *ἐπίκληρος*, *ἐπικληράτις* (точнее: «сидящая на клере, на земле»), *πατρόβιος* («имеющая отцовское имущество»).

Таким образом, во времени Солон в руках знати эпиклерат оказался средством усиления ее верхушки и — одновременно — ослаблением одних беднеющих знатных семей путем все большей концентрации земель в руках нескольких других знатных семей в пределах одного рода и за счет этого рода в целом. В эпиклерате знать нашла средство нарушить обычное право коллективной собственности на землю путем женитьбы на последнице; земля была в движении и без актов продажи и купли переходила, тем не менее, из одних рук в другие, концентрируясь в отдельных семьях в пределах одного рода.)

Эпиклерат представлял весьма удобный пункт для нападения в борьбе с экономической мощью знатных родов,<sup>3</sup> или, точнее говоря, отдельных знатных семей, концентрировавших в своих руках узурпированную ими собственность рода и, таким образом, заступавших место последнего, содействуя все большей олигархизации общества.)

Солон своим законом о свободе завещаний в случае бездетности существенно изменяет систему эпиклерата, отменяя необходимость оставлять имущество умершего в роде. Однако при отсутствии завещания Солон оставил этот древний обычай. Но и здесь наследнице было разрешено, в случае бездетности ее мужа-старика, не разведясь с ним, выбрать фактического мужа по своему желанию из числа родственников по отцу.<sup>4</sup>

С другой стороны, Солон не из человеколюбия и не оттого, что он был, по выражению Глотца «первым<sup>5</sup> феминистом», но в силу политических соображений демократизовал этот институт, придав ему обрат-

<sup>1</sup> См. L. Beauchet. Histoire du droit privé de la république athénienne, I, Paris, 1897, стр. 399 сл.

<sup>2</sup> См. G. Glotz. La solidarité dans la famille, Paris, 1904, стр. 337. Ср. Plut., Solon, 20.

<sup>3</sup> Ибо эпиклерат имел смысл и значение только в знатных родах, живших традициями рода и заинтересованных в эпиклерате экономически.

<sup>4</sup> Ср. Plut., Solon, 21. Возможно, прав R. Daresté, Nouvelles études d'histoire du droit, Paris, 1902, стр. 31 сл., предполагая у Плутарха неточное понимание соловского закона. Дело шло, быть может, не о ра решении сожительств в случае бесплодного брака, но о праве эпиклеры расторгнуть брак и вступить в новый, обеспечивающий потомство ее отцу.

<sup>5</sup> G. Glotz, ук. соч., стр. 348.

ную силу: бедные сироты, лишившиеся отца и не имеющие братьев, которые могли бы их обеспечить, должны выходить замуж за ближайшего родственника по отцу.<sup>1</sup> Таким образом, система эпиклерата должна в этом случае обеспечить системой родства пуждающихся и беспризорных сирот.

Несомненно, что законодательство Солона базируется на древних обычаях знати; то новое, что вносится здесь по отношению к эпиклерату и завещанию, совершается, однако, не в интересах знатных семей.

Неделимая недвижимость покойного после его смерти поступала теперь в раздел в первую очередь между его сыновьями на условиях равного распределения. Это ставило предел нераздельности земельной недвижимости, а тем самым и земельной концентрации и, с другой стороны, создавало предпосылки для постепенной пролетаризации более бедных семей. Видоизменяя систему эпиклерата, Солон освобождал землю от застывших, неизменных форм, в которых совершалось передвижение клеров по традициям до-солоновского общества. И точно так же своим законом о завещаниях он давал клерам возможность более свободного передвижения. Но эта свобода движения земельных участков могла и должна была быть признана государством лишь постольку, поскольку не страдали интересы самого государства как высшего собственника, или — что то же — интересы замкнутого рабочладельческого коллектива.

В V в. до и. э. закон Перикла ограничит в Афинах права гражданства, признав их только за детьми, родившимися от брака гражданина с гражданкой. Законодательство Солона, касающееся незаконных детей, так называемых *vóðoi*, является первым шагом в этом стремлении государственной общины замкнуться извне.

В гомеровском обществе законные дети имели перед незаконными лишь преимущественное право наследования. Во всем остальном их положение было равным.<sup>2</sup>

Аристофан в «Птицах», в разговоре Писфетера с Геркалом, приводит текст солоновского закона о *vóðoi*: «Скажу тебе также закон Солона: за незаконнорожденным не признается родство (анхистия), когда имеющие законные дети; если же таких законных не окажется, то немуществу перейти к ближайшему в роде».<sup>3</sup>

Этим постановлением незаконные дети — *vóðoi* — совершенно игнорируются.<sup>4</sup> До Солона контингент этих *vóðoi* пополнялся, главным образом, браками с наложницами-афинянками. Дело в том, что положение женщины до-солоновских реформ было, конечно, гораздо более

<sup>1</sup> Diód. XII, 8, 2; Aristoph. Byz. у Eustath. ad II. XXI, 449. У Диодора сохранил рассказ о законодательстве Харонда, в котором был и специальный закон об эпиклерах, аналогичный с законом Солона: «Этот закон предписывал присуждать ближайшего родственника дочери-наследнице, и дочь-наследницу присуждать ближайшему сородичу, которому необходимо было или жениться на ней или выплатить 500 драм в качестве приданого неимущей дочери-наследнице (эпиклере)».

<sup>2</sup> Интересно отметить, что Тесей, по преданию, как это передает Плутарх, сам был незаконным сыном (*vóðos*), наследовавшим отцу. См. Beauchet, I, 492.

<sup>3</sup> Aristoph., Aves, 1660 сл.; Beauchet, ук. соч., I, 494; G. Glotz, ук. соч., стр. 340 сл.

<sup>4</sup> Νόμος δὲ μὴδὲ νόθῳ μὴ εἶναι ἀγχισταίαν μὴδ' ἱερῶν μὴδ' ὄσιων (Dem.), XLIII (с. Ma-cart), 51; Isaei or. 6, 47 (ed. Scheibe). Ср. Glotz, ук. соч., стр. 340 сл.

бесправным, чем после его законодательства. Продажа в рабство своих сограждан вне и внутри Аттики имела одним из следствий возможность приобретения афинской гражданки в качестве наложницы.<sup>1</sup> Однако, поскольку она была афиняжкой, она охватывалась такой же системой родовых отношений и связей, как и приобретший ее «сородич». Дети от этой связи также были включены и по отцу и по матери в родовые отношения общины, может быть, только как младшие и подчиненные члены данной семьи.

Положение, однако, коренным образом изменилось, когда Солон запретил продажу в рабство детей и граждан. Прочная связь граждан с согражданиками-паломниками, как это отмечает Боше,<sup>2</sup> исчезла, и моногамная семья, освященная моралью и религией, стала единственно-законной формой семьи. Постановлением о νόμοι Солон сразу преследовал несколько целей: 1) укрепить моногамную семью — οἶκος — как носительницу частной собственности в противовес роду — γένος — предъявляющему пережиточно свои права на семейную собственность; 2) произвести очистку рядов граждан от рабского элемента в интересах государственной общины свободорожденных граждан как коллектива частных собственников; 3) возвести для этого беспорядочно бытовавшую раньше эндогамию в государственный принцип общей эндогамности афиняц, переведя ее, таким образом, из сферы родовой в сферу экономическую и политическую.

Однако νόμοι, не имея права наследовать в качестве незаконных детей, могли до закона Перикла получить это право путем усыновления в случае отсутствия законных детей. С нашей точки зрения, Глотц<sup>3</sup> правильно замечает, что завещание в пределах родовых форм было известно и до Солона: эпиклерат фактически и был одной из форм завещания в пределах рода. Новаторство Солона, сущность его реформы заключались в разрешении в случае отсутствия законных детей мужского пола завещать свое состояние ὅπως ἂν ἐθέλῃ,<sup>4</sup> то есть вне своего рода.

<sup>1</sup> Ср. Beauchet, I, стр. 104—105.

<sup>2</sup> Ср. ук. соч., I, стр. 493 сл. С нашей точки зрения Beauchet справедливо отмечает, что при архонте Евклиде (ср. Demosth., XLIII, 51) не был издан заново, а лишь утверждён закон Солон и, может быть, слегка изменена первоначальная редакция текста. По мнению Beauchet, это изменение состояло в добавлении выражения: μήτε ἱερῶν μήτ' ὀπίων. В самом деле, этот закон упоминается уже у Аристофана, за 12 лет до архонта Евклида.

<sup>3</sup> G. Glotz, ук. соч., стр. 343 сл.

<sup>4</sup> (Demosth.), Or. XLVI, 14: ὅτοι μή ἐπεποίητο ... τὰ ἑαυτοῦ διαθέσθαι εἶναι, ὅπως ἂν ἐθέλῃ, ἂν μή παῖδες ὅτι γνήσιοι ἄρρενας... Isaеi or., III, 68: ὁ γάρ νόμος διαρρήθην λέγει εἶσθαι διαθέσθαι ὅπως ἂν ἐθέλῃ τις τὰ αὐτοῦ, εἰ μὴ παῖδας γνήσιους καταλίπη ἄρρενας· ἂν δὲ θηλείας καταλίπη, σὺν ταύταις.

Последнюю фразу Gilliard подвергает сомнению (о. с., стр. 182, прим. 2), считая, что Исей ее добавил от себя, но мы понимаем эту фразу так: «Ибо закон ясно говорит, что можно завещать свое состояние кому угодно, если не останется законных детей мужского пола; если же дочери останутся, то вместе с ними». По нашему мнению, этот комментарий вполне уместен: при отсутствии сыновей отец может завещать свое состояние вместе с дочерью кому угодно; в случае отсутствия завещания вступает в силу эпиклерат, и дочь выходит замуж за отцовского родственника.

Ср. также Isaеi or., II, 13; VI, 9; у Плутарха (Sol. 21) менее ясно: εἰ μὴ παῖδες εἴεν ὀπίων... Gilliard пишет в примечании к этой цитате: «Ясно, что Плутарх имел перед глазами тот же текст, что и ораторы, и что он изложил его на свой лад прежде чем ввести в рассказ» (стр. 182, прим. 5). Из сопоставления всех текстов при обследовании

Усыновление и завещание оставались тесно связанными, и дифференциация между ними относится лишь к IV в. до п. э. И для института наследства и для усыновления предпосылка одна и та же: отсутствие детей мужского пола; одна и та же цель — полное наследование; один и тот же случай неправоиспособности: неполное владение умственными способностями и принуждение физическое или психическое; <sup>1</sup> наконец, одна и та же терминология. <sup>2</sup>

Таким образом, Солон и здесь взял за основу старый родовой обычай, направив его против рода, которым в свое время он был порожден. Обычай, созданный в целях сохранения имущества в пределах рода, стал законом, открывающим возможность передвижения имущества из одной семьи в другую.

Ною лишены права наследования, но в случае усыновления они становятся законными наследниками. Имущество можно завещать по желанию, но в случае отсутствия законного сына. Право непосредственного родства по происхождению остается нетронутым; умирающий не может нарушить его.

Понятие об абсолютной частной собственности было чуждо Греции и в более поздние исторические периоды. И Солон, конечно, освобождая собственность, не мог сразу же не поставить границ этой собственности. Выводя собственность из пределов γένυ, Солон должен был подчинить и подчинил ее новой рабовладельческой общине.

Демократический суд, демократическое собрание свободных афинян, по существу, играют теперь роль главного арбитра в вопросах завещания и передачи имущества из одних рук в другие. И с этой точки зрения Глотц совершенно прав, говоря, что κατά νόμον в действительности очень часто является не чем иным, как κατά δικαιοσύνην. <sup>3</sup>

Итак, законом о свободе завещания Солон в значительной мере облегчил процесс земельной децентрализации или, по крайней мере, наметил известные пределы ее концентрации. Кроме того, он ограничил в специальном законе определенными размерами бесконтрольную земельную концентрацию в руках меньшинства. <sup>4</sup>

С первого взгляда кажется, что постановление о приданом несовместимо с последним законом Солона. Глотц убедительно анализирует текст солововского закона, запрещающий во всех случаях брака (кроме эпиклерата) давать женщинам в приданое больше трех платьев и кое-какой, не имеющей цены, хозяйственной утвари. <sup>5</sup> Приданое, при

вопроса о завещании Gilliard резонно приходит к выводу: «Le loi de Solon nous apprend que seul celui qui n'avait pas d'enfants mâles légitimes pouvait tester comme il lui semblait» (стр. 183).

<sup>1</sup> Glotz, ук. соч., стр. 344; Beauchet, II, 19; Fustel de Coulange. Nouv. recherches..., 136; P. Guiraud, La propriété foncière, стр. 107.

<sup>2</sup> См. Beauchet, ук. соч., II, 7—8; 21 с.

<sup>3</sup> Glotz, стр. 346, прим. 1.

<sup>4</sup> Здесь, по нашему мнению, Глотц без достаточных оснований пытается отрицать этот закон путем иного толкования текста Аристотеля (Pol., II, 4, 4); его толкование оставляет в полной силе возможность и обычного понимания этого текста. Главная аргументация Глотца лежит в утверждении, что ограничение скупки земли определенными размерами не согласуется с общими мероприятиями Солона и противоречит его закону о приданом (Glotz, ук. соч., стр. 323—330). Но, как мы пытаемся показать, оба закона равно уместны в законодательстве Солона и отнюдь не исключают друг друга.

<sup>5</sup> Закон о приданом сохранен Плутархом (Plut. Sol. 20).

сохранении родовой системы могло заключаться только в движимом имуществе, ибо недвижимость должна была оставаться в пределах рода. Именно на этой прочной родовой основе и возник некогда эпиклерат. Исходя из этой предпосылки, Глотц приходит к правильному выводу: Солон борется здесь не с принципом дотации, не с излишеством женского кокетства, но с древним обычаем — давать приданое *только в движимости*. Поэтому цель Солон — заставить богатые семьи (которые не помирились бы с тем, чтобы их дочери выдавались замуж так же, как и дочери фетов) давать в приданое *часть недвижимости*.<sup>1</sup>

Несомненно, что основным путем этот закон был направлен против концентрированной земельной недвижимости богатых родов. Солон и демос в борьбе со знатью — с необходимостью пользовались оружием врага: как раньше в системе брачных отношений эпиклерат получил назначение сохранить собственность в одном роде, так теперь в той же системе брачных отношений — приданое должно было сыграть обратную роль, а именно — вывести недвижимость из рода; для этого оно должно было стать приданым в движимости. Именно эту цель преследовал запрет давать сколько-нибудь ценное приданое в движимости.

Кроме того, были и другие веские основания протестовать против роскоши приданого в движимости, так же как и против роскоши похоро-

рон. Путь исторического развития Аттики был в значительной мере обусловлен ее географической средой, отнюдь не благоприятствовавшей развитию земледельческого хозяйства. Чем больше понижался в общегосударственном хозяйстве удельный вес земледелия, тем больше возрастал удельный вес денег, ремесла и торговли.

Денежный голод, который испытывала Аттика в солоповский период, вызывал борьбу против концентрации денег и ценной металлической утвари и украшений в руках женщин в качестве мертвых сокровищ.

То же самое относится и к запрещению пышных похорон, когда при покойниках зарывалось много драгоценного металла в качестве утвари, вооружения, украшений и т. д.<sup>2</sup>

И, наконец, третья цель этого солоповского закона, для нас сейчас менее интересная, преследовала общее урегулирование брачных отношений и обеспечение деторождения, чему служили и изменения, внесенные Солоном в систему эпиклерата, запрет брака между людьми различных возрастов и пр.

Но если мы так трактуем данную реформу Солон, и примыкаем с этой точки зрения к анализу Глотца, то как же объяснить себе закон, ограничивающий скупо земельные участки до определенных — нам, впрочем, неизвестных — размеров?

Нам кажется, что наряду с шпитекой, очевидно, уже до Солон существовала какая-то возможность — может быть, и даже вероятно, ограниченная — продажи земельного участка. И Аристотель и Плу-

<sup>1</sup> G l o t z, ук. соч., стр. 332—333. Ср. аналогичный закон в Массалии, сохранившийся Страбоном: (ἡ γὰρ μερίστη προῖξ ἀποῖς ἐστὶν ἑκατὸν ὑροῖσι καὶ εἰς ἑαδῆτα πέντε εἰς ὑροῖσιν ἑσπερον, πλέον δ' οὐκ ἔστι. Этот закон, сильно ограничивая приданое в движимости, не запрещает, по утверждению Глотца, дать невесте в приданое дом или земельный надел.

<sup>2</sup> Ср. P l u t. Sol. 21; D i t t e n b e r g e r, Syll. <sup>3</sup>, 1218.

тарх передают нам рассказ о друзьях Солона, которые, узнав о предстоящей отмене долгов, заключили займы и на запытые деньги скупили земли; после отмены долгов они остались с землями, а кредиторы — без денег.<sup>1</sup> Аристотель говорит кратко: *δανεισάμενοι γὰρ ὅβροι συνεπράντο πολλήν χώραν*. Плутарх — несколько подробнее: *ἐδανείσαντο συγγόν ἀργύριον παρὰ τῶν πλουσίων καὶ μεγάλας συνεωνήσαντο χώρας*. Как бы мы ни расценивали этот рассказ сам по себе, т. е. будем ли мы в нем видеть зерно исторической истины или только злостный анекдот, направленный против Солона политическими врагами его реформ, — ясно одно: *Аристотель считает возможной скупку земельных участков во время, непосредственно предшествующее выступлению Солона*. Самые термины — *συνεπράντο*, *συνεωνήσαντο* — ясно говорят о скупке мелких участков, а не о приобретении одного цельного владения.<sup>2</sup>

✓ Нужно думать, что продажа земельных участков была вторым по последовательности актом общей задолженности крестьянства. Первое следствие займа под тело — было в той или иной форме порабощение должника и его семьи; второе — продажа земельных участков, освободившихся после продажи в рабство их хозяев. Вероятно, отсюда это *συν*-Плутарха и Аристотеля, указывающее на скупку мелких клеров; отсюда и закон Солона, ограничивающий право скупки земель у разорившихся после отмены внутреннего рабства хозяев. Родовые имения оставались недвижимыми в силу тяготевших на них родовых законов, а мелкие участки сельских общинников начинали циркулировать, стягиваясь в руках родовитых и неродовитых богачей. Такое положение вещей и заставило Солона, с одной стороны, провести ряд мер против концентрации земли и — с другой — вынудить родовую знать встать на тот же путь земельного обращения. Иначе, нам кажется, законодательство Солона трудно понять в его целом, как оно дошло до нас в передаче греческих историков.

<sup>1</sup> Arist. 'Αθ. Πολ. VI, 2; Plut. Sol. 25. Ср. F. D u e m m l e r, Die 'Αθηναίων Πολιτεία des Kritias (Hermes, XXVII, 1892, стр. 261 сл.), где автор считает эту историю клеветой, вышедшей из среды тридцати тиранов, а именно — от Крития. В самом прозвище друзей Солона *ὑπερχρηστές*: D u e m m l e r остроумно видит аналогию с *ἐπιμακροκρίταις*.

<sup>2</sup> Против историчности рассказа о друзьях Солона выдвигаются веские доводы. Не решая этого вопроса, мы должны признать, что возможность злостного измышления отнюдь не исключена. Однако имеются ли данные утверждать, что не только анекдот выдуман, но искажены и земельные отношения, существовавшие при Солоне? Мы не имеем никаких указаний в нашей традиции о возникновении продажи земли при Солоне или после него. Таки образом, мы можем отрицать продажу земли до Солона, подвергая сомнению и свидетельство Аристотеля и Плутарха, так же как и стих Гесиода на основании косвенных данных: продажа земли, как кажется, несовместима с теми ограничениями в праве наследования, которые частично отменяет законодательство Солона. Однако, как мы стараемся показать в тексте, несмотря на эти ограничения, можно с нашей точки зрения осмыслить и допустить факт продажи земли в этот период: обычай *πρᾶξις ἐπὶ λῶσαι*, не отрицаемый исследователями для времени Солона; рассказ Гесиода об отце его, очевидно продающем, а затем вновь покупающем земельный участок в Беотии (v. v. 631—640); наконец, законодательство Солона, ограничивающее концентрацию земли в Аттике, — все это факты, не указывающие, правда, с необходимостью на то, что земля продавалась уже до Солона, но легко и естественно объясняемые при допущении этой гипотезы. В тексте мы стараемся показать, что такое допущение не противоречит общему комплексу наших сведений о земельных отношениях этого исторического периода.

Акты займа, акты купли и продажи в различных формах — посредством ли денежного или натурального обмена (но натурального в окружении денежного) или посредством хитроумных видоизменений родовых правил, изменений, на первый взгляд, не имеющих ничего общего с куплей-продажей, — все это отчетливо и пастозливо свидетельствует о широком поступательном движении ремесла и торговли.

Меновая торговля уже задолго до Солон проложила пути к имущественному и социальному неравенству как между родами, так и внутри их. Уже до Солон в Аттике имела хождение чеканная монета «фидоновской системы».<sup>1</sup>

Солон (в этом согласны все исследователи) перешел к другой монетной системе. Детали денежной реформы Солон, а также реформы в системе мер и весов не представляются ясными. Эти метрологические вопросы породили обширную литературу,<sup>2</sup> но тем не менее характер солоновской реформы до сих пор еще окончательно не разрешен. Мы не предполагаем входить здесь в сложные метрологические изыскания, которые должны были бы составить предмет специального исследования. Скажем лишь, что спорный вопрос об отношении солоновских мер к фидоновским мы склонны были бы, примыкая к мнению Seltman'a,<sup>3</sup> решать в том смысле, что солоновские меры были *мельче* фидоновских. Тогда термин *αἴγλις*, употребленный Аристотелем, придется понимать не как увеличение единиц, но как увеличение цифр, измеряющих то же количество продукта в новых единицах. После Солон не медимны стали больше, а медимнов стало больше, совершенно так же как в сфере денежного обращения драхм стало больше, поскольку сами драхмы стали легче. Наиболее сложен вопрос о весовых единицах. С одной стороны, логика, казалось, требовала бы, чтобы то же количество продукта, представляя собою теперь большую цифру мер емкости, представляло и большее количество весовых единиц, что влекло бы за собой введение более легких единиц веса. С другой стороны, из текста «Афинской политии»<sup>4</sup> вытекает как будто обратное, а именно — увеличение таланта с 60 до 63 мнн, причем мина, как весовая единица как будто не затронута реформой, а лишь подразделена на более мелкие части. Возможно, однако, что Аристотель лишь не оговорил весовое увеличение мины; увеличивая талант с 60 (старых) мнн до 63, то есть на 5%, но сохраняя мину, как  $\frac{1}{60}$ -ю часть нового, увеличенного таланта, Солон тем самым увеличил вес мины с 70 старых драхм до  $73\frac{1}{2}$  (так объясняется, может быть, цифра Плутарха). Однако эти 73 старых драхмы подразделены теперь на

<sup>1</sup> Cp. Seltman, Athens, its history & coinage, 1924.

<sup>2</sup> Cp. Wilamowitz-Moellendorf, Arist. u. Athen, I, стр. 41. сл. Против него Nies sen, Rhein. Mus., XLIX (1894), стр. 1 сл.; Lehmann, Zur Äthraion Πολιτεία (Hermes, XXVII, 1892, стр. 530—560; Busolt, Griech. Gesch., II<sup>2</sup>, 363, I; Griech. Staatsk., I, 594, I; De Sanctis, Attic<sup>2</sup>, 218 сл.; Beloch, Griech. Gesch., I<sup>2</sup>, 335 сл. De Sanctis объясняет число 73, приведенное у Плутарха, как следствие упомянутого Аристотелем увеличения на 5%, так как отношение 70/100 приблизительно равно 73/105. Cp. другое объяснение у Gardner'a, A history of ancient coinage (1918), 141 сл. Cp. также Aly, Solon (Pauly-Wissowa, Realencyclopädie, III, 976 сл.).

<sup>3</sup> Seltman, ук. соч., стр. 16 сл.

<sup>4</sup> А8. Пол. 10; Plut. Sol. 15.

100 частей.<sup>1</sup> Таким образом, наряду с увеличенным более крупных единиц — мины и талапта мы имели бы уменьшенне более мелких единиц, как подразделений мины. Именно эти более мелкие единицы и были, преимущественно, в ходу на внутреннем рынке в повседневной жизни, в быту; уменьшение этих единиц стояло в тесной связи с сейсахфией. Наоборот, более крупные единицы имели значение, главным образом, во внешних сношениях. Увеличение аттического талапта ни в какой мере не затрагивало взаимоотношений мелких закабаленных крестьян и их землевладельцев, на внешнем же рынке, как отмечает Алу,<sup>2</sup> должно было повысить способность Афин к конкуренции.

Но и с появлением денежной единицы обмена и даже с установлением регламентированной государством новой денежной системы натуральный обмен не исчезает, а долгое время эти формы сосуществуют друг с другом, хотя, конечно, денежный обмен сразу затрудняет обмен натурой и катастрофически понижает цены. Особенно тяжело это отражается на земледельческих слоях населения, натуральное хозяйство которых в первую очередь терпит тяжесть наступающего денежного режима. Плохой урожай или неприятельский набег или какое-либо другое несчастье сразу ставил бедняка перед необходимостью

<sup>1</sup> Theod. Reipsch (Zu Androtion, fr. 40; Müller, Hermes, 1928, стр. 238—240) высказывает, однако, очень остроумное и правдоподобное положение об искажении переписчиком Аттиды или Гермиппа (или одним из посредников между Андротионом и Плутархом) подлинного текста: подлинный текст гласил ΤΗΝ ΜΝΑΝ ΠΡΟΤΕΡΟΝ ΕΒΔΟΜΗΚΟΝΤ' ΑΓΟΥΣΑΝ (δραχμᾶς); при переписке же и разделении слов произошло неправильное разделение последнего слова: ΤΗΝ ΜΝΑΝ ΠΡΟΤΕΡΟΝ ΕΒΔΟΜΗΚΟΝΤΑ Γ' ΟΥΣΑΝ, откуда затем под влиянием предшествующего генетива (ἐκαστὸν δραχμῶν) получилась: ... ΕΒΔΟΜΗΚΟΝΤΑ ΚΑΙ ΤΡΙΩΝ ΟΥΣΑΝ.

Плутарх, не разбираясь в сути дела, механически перенес это в свой текст.

Такого рода поправка Reipsch'a вполне правдоподобна. Однако свидетельство Аристотеля о том, что солоновский талант равнялся 63 минам, остается в силе. И поскольку исторически и в позднейшее время талант делился не на 63, а на 50 ми, оказывается необходимым понять свидетельство Аристотеля в том смысле, что талант был увеличен на  $\frac{1}{20}$ , т. е. на 5%; тем самым, как это указывается в тексте, была увеличена и мина. При таком соотношении солоновская мина =  $73\frac{1}{2}$  до-солоновским драхмам. Ошибка Плутарха или его источника могла бы быть уже, таким образом, не такой механической.

<sup>2</sup> Ср. Алу (Pauly-Wissowa, V, стр. 976): 5%-ая прибавка к основному торгово-весовой единице, равномерно поделенная на ее подразделения, должна бы повысить способность Афин к конкуренции на внешнем рынке: таким образом, о прибавка, по самому своему смыслу, связана с законом о вывозе. И дальше: «Только человек исключительного хозяйственного опыта мог провести реформу, успех которой оказался решающим, так как Афины уничтожили Халкиду и Эгиду не только в военном, но, главным образом, в торгово-политическом отношении».

Seltman, ук. соч., стр. 18) предполагает, опираясь на Gardner'a (Hist. of ancient Coinage, 1918, стр. 119 сл.), что образцом новой монетной системы послужила ранняя и нетная система Кирены. «Торговцы этого государства первые стали чеканить по образцу наиболее принятому в Накратисе, куда они думали перенести центр их торговли; то торговцы Коринфа не замедлили последовать за ними, и Накратис — доказательство этого — дает нам обильные остатки коринфских изделий; торговец Солон, с глазами, устремленными на Дельту, последовал мудрому примеру Кирены и Коринфа и в афинских черенках и горшках, обнаруженных здесь в наши дни, мы читаем рассказ об аттической торговле в Египте». Солон, как доказывает Seltman, принял монетную систему, существовавшую в Коринфе у Кирены; отсюда она прошла на запад до Сицилии, южной Италии и Этрурии «На юг — до Египта, на запад — до Этрурии — до земель, где аттическая монета была принята и впоследствии знаменита — купцы ввозили богатые вазы из афинских керамических мастерских и амфоры, содержащие драгоценное оливковое масло».

займа у богатого соседа) De Sanctis верно описывает положение бедняка в измененных условиях денежного хозяйства: «Семенные ссуды, пока богатый не знал, что делать с избыточным продуктом, могли даваться на довольно благоприятных условиях. Но когда для сбыта этих сельскохозяйственных продуктов, не нужных для собственного потребления, открылись большие возможности, он стал давать в кредит только под... проценты и мог предъявлять разорительные условия. К этому присоединилось и то, что торговля, которая должна была бы исправить эти беды, была еще очень мало развита, а деньги, которые могли бы ограничить ростовщичество, были еще очень редки». <sup>1</sup> Натуральное хозяйство под давлением денежного обращения, таким образом, резко изменяло свой характер. Распад селской общины как под влиянием денег, так и под влиянием вслед за деньгами появившихся ипотек, броч, закладов личности, продажи в рабство и различных форм долговой кабалы совершался в период предшествующий Солону очень быстрыми темпами.

Не только ссуды требовали денежного возмещения или возмещения натурой с большими процентами, но денег требовали и изменяющиеся условия хозяйства: торговля, выделяющая теперь посредников между производителем и потребителем, требовала денег взамен за «услуги», оказываемые ей потребителям ее товаров; вывоз как сельскохозяйственных, так и ремесленных продуктов за пределы Атики также тяжело сказывался на теряющем землю и свободу крестьянстве. Положение ухудшалось тем, что торговля носила еще явно пиратский характер (или пиратско-торговый), она была еще в том состоянии, когда грабить было так же выгодно, как торговать, и поэтому во внутренней торговле — при остром недостатке денег — еще безраздельно господствовало ростовщичество, бесконтрольно и беспощадно расправлявшееся с должниками, «Деньги делали человека», и *πλεονεξία* богачей, о которой говорит и Солон, <sup>2</sup> не имела предела. Но основой хозяйства оставалось все еще земледелие, так как пиратство могло обогащать отдельные личности, но не могло создать прочного и устойчивого обмена; промышленность еще только начинала охватывать внешние рынки <sup>3</sup> и, повидимому, общины свободных ремесленников (примером которых является, как будто, трякомия) <sup>4</sup> еще явно преобладали над трудом концентрирующихся в городах привозных рабов. Торговля на первых порах своего развития должна была развиваться в основном как торговля сельскохозяйственными продуктами, а сле-

<sup>1</sup> De Sanctis. *Αρχαι*, стр. 193.

<sup>2</sup> Sol. fr. 13, v. 71—76; Theogn., 227—232; Cp. Glotz, *Histoire ancienne*, I, 410.

<sup>3</sup> Вазы диллопского геометрического стиля еще только в небольшом количестве начинают проникать в Мелос (Perrot et Chipier, *Histoire de l'art*, t. VII, 166, f. 48), на Феру (Pfuhl, *Ath. Mitt.* 28, 1903, 179 сл.), на Кипр (Cesola, *Cyprus*, pl. LXVII), в Накратис (Prinz, *Funde aus Naukratis*, 75 сл.). Оживленные сношения с более близкими общинами — с Евбеей (Эретрия, Халкида), Беотией и некоторое время с Арголой. Cp. Glotz, *ук. соч.*, стр. 408.

<sup>4</sup> Земледельческому объединению — тетраполис — в литературе обычно противопоставляется объединение ремесленных общин — Кропиды, Целеки и Евпириды, обременяющих трякомью. Cp. Vnsolt, *Griech. Gesch.*, II<sup>2</sup>, 81; *Griech. Staatsk.*, I, 140, 2; Glotz, *ук. соч.*, 409. У Glotz'a собран и дополнительный материал. Он указывает на *Αἰθαλίαι* — «черных от коцоты», работавших на юге Парпеса и на Гефестиадов на Кефисе.

довательно, при общем бедственном положении земледельческого населения Аттики, не могла принять большего размаха и ухудшала а не облегчала положение.

Жертвенные тарифы и штрафы Солона, сообщаемые Плутархом, указывают одновременно и на баснословно-низкую с точки зрения афинян последующих веков цену па сельскохозяйственные продукты и на большую ценность и редкость денег той поры: обеспечение свободной женщины наказывалось штрафом в 100 драхм; мера ячменя согласно жертвенному тарифу, стоила одну драхму, одну драхму стоила и овца, бык — пять драхм. При этом очень интересно особо отметить формулировку Плутарха: *Ἐἰς μὲν γὰρ τὰ τιμήματα τῶν θυσίων λογίζετα πρόβατον καὶ δραχμὴν ἀντὶ μεδίμνου*, т. е. овцу, так же как и драхму за медимн. Таким образом, здесь не медимн и овца приравниваются к драхме, но овца и драхма исчисляются в медимнах.<sup>2</sup> Это факт мимо которого нельзя пройти. Появление денег произошло сначала в форме подчинения, если так можно сказать, «денежной валюты» — «валюте ячменной» или, вообще, зерновой. При этом для земледельца-крестьянина цена в зерне еще и во время Солона и во время его денежной реформы была гораздо обычнее и понятнее, чем цена в монете. При редкости денег и при разнообразии денежных типов при трудном для быстрого освоения переходе с одной денежной системы на другую измерение стоимости и цены вещей в зерне — в медимнах было и более удобным и более устойчивым и, если можно так выразиться, более всеобщим. Отсюда, может быть, будет более понятным и натуральный ценз, введенный Солоном при разделении граждан на четыре имущественные класса, хотя уже налицо и деньги и реорганизация монетной системы.<sup>3</sup> Принцип двойственности, ком

<sup>1</sup> Plut. Sol. 23.

<sup>2</sup> См. К. Хиллинский, Медимны Солона (Сборник в честь Н. И. Кареева (СПб. 1914), стр. 158—166. Здесь К. Хиллинский утверждает, что «медимн — мерило ценности и что в медимнах можно было выразить любую ценность». Ссылаясь на Исея (Gr. X, 10) К. Хиллинский считает, что таким медимном мог быть только медимн ячменя. «Преобладание земледелия, — пишет он далее, — выработало более соответствующее изменившейся культуре мерило, медимны зерна, а они с течением времени уступили свое место металлу по вес и в частности — чеканеной монете. При всякой перемене неизбежно бывало сосуществование двух форм измерения ценности» (стр. 165).

<sup>3</sup> U. Wilcken (Zu Solons Schatzungsklassen, Hermes, 1928 стр. 236—238) считает испорченным указанное место 23-й главы Плутарха и предлагает чтение вместо *θυσίῳ τιμήματα* — *ὄβριον τιμήματα*. С. Я. Лурье, обративший мое внимание на эту заметку, считает это чтение правильным (Ср. С. Я. Лурье, История античной общественной мысли, 1927 стр. 94). Конъектура Вилькена, при всем ее остроумии, не вызывается необходимостью Плутарха в данном месте явно интересуют цены на скот. И начиная его упоминанием *τιμήματα θυσίων*, он, заканчивая его, снова возвращается к 16-й таблице соловских законов (*ἄξων*), которая устанавливает цены на отборных жертвенных животных. Плутарх в данном месте, как нам кажется, говорит следующее: указав на то, что при недостатке монеты трудность достать ее повышала величину денежных штрафов (*πλήν εἰ μὴ σπανίζοντι τότε τὸ νόμισμα ἐν τῇ πόλει μετὰ τὰς ἀργυρῆκὰς ζυμίας τὸ δοσώριον*), он продолжает «По крайней мере, для оценки жертвенных животных он считает овцу и драхму за медимн победившему же на истмийских играх установил давать сто драхм, а на олимпийских — пятьсот; тому же, кто прирешет волка, он назначил (*έδωκε*) пять драхм, а за молодого волка — одну; первое, по словам Дмитрия Фалерского, является ценой быка, а второе — овца. Ведь цены на отборных жертвенных животных, которые он устанавливает в 16-й таблице естественно, являются повышенными, по и они все же низки по сравнению с нынешним

ромнес между нарождающимися новыми и старыми, еще бытующими, формами жизни очень наглядно свидетельствует о некотором времени достигнутом равновесии в одних из моментов борьбы, бывшей не незадолго до этого столь упорной. Вывоз хлеба и других сельскохозяйственных продуктов в связи с обезземелением крестьянства и развитием денежных спекуляций принял, очевидно, такие угрожающие размеры, что потребовал государственного вмешательства. Солон запретил вывоз за пределы Аттики всех сельскохозяйственных продуктов, кроме оливкового масла, в случае, если это постановление будет крушиться, Солон «предписал, чтобы архонт налагал проклятие на вывозящих или платил сам 100 драхм в общественную казну».<sup>1</sup>

Примирение двух начал, двух форм жизни ясно выступает и в другом, приписываемом Солону, законе: «Если народ или члены фратрии, или члены жреческого сообщества (*ῥρηῶνες*), или геннеты, или члены исситии, похоронного сообщества (*βρόταφοι*), фиаса (*θιασῶται*), или управляющиеся на добычу (*ἐπι λείαν οὐχόμενοι*) или на торговлю (*ἢ εἰς πορίαν*) договорятся о чем-нибудь между собою, тому иметь силу, или не запрещают этого общественные постановления (*δημόσια ἄρματα*).<sup>2</sup> В этом законе (хотя переданном очень поздним источником) пиратство и торговля поставлены рядом как две сосуществующие равноправные формы обмена. Кроме того, по замечанию Франкотта, этом законе, с одной стороны, сказывается полная свобода образова-

войну с волками афиняне ведут издревле, владея страной, которая лучше для пастбища, чем для земледелия».

Весь абзац явно распадается на две части, из которых каждая в свою очередь подделяется еще на две. Сначала речь идет о ценах на жертвенный скот, причем, помимо, и выдачи денежных наград победителям на играх были связаны с жертвенными тарифами, поскольку победители и на месте игр и по возвращении на родину устраивали торжественные жертвоприношения. (Слово *θυσία* в значении «жертвенное животное» strangely, напр., у Л у к и а н а, De sac. 12). Далее говорится о наградах за истребление волков. Во второй половине Плутарх комментирует сначала первое замечание о жертвенных тарифах, затем второе о наградах за истребление волков. Вводить в этот пассаж упоминание о цене совершенно излишне. Ссылка на 16-ю таблицу, разделяющая двукратное упоминание о борьбе с волками, совершенно естественна, если в начале речь идет о жертвенных животных, и является малопонятной вставкой, если в начале идет речь о цене.

Вилькен, к сожалению, не указывает «ради краткости» всех трудностей, которые представлял для него обычное чтение этого места.

Основное, однако, затруднение состоит, очевидно, для него в том, что место Плутарха предполагает такой случай, когда ведется счет на медимны, которые, однако, могут быть переведены в овец и в деньги согласно данному здесь соотношению ценностей (р. 287). Вилькен считает совершенно непонятным, какое это может иметь отношение к оценке жертвенных животных и видит спих в слове *θυσία*. Нам кажется, что спих означает для Вилькена потому, что он упускает из виду указанную нами в тексте возможность такого положения, когда денежная единица еще подлиннее единице натуральной — зерновой. Таким образом случай, предполагаемый Вилькеном, является я солонического времени нормальным случаем, имеющим место при всякой оценке — том числе и при оценке жертвенных животных. Мы имеем у Плутарха совершенно ясное указание, что в 16-й таблице шла речь о ценах на жертвенных животных, и не видим никакой необходимости предполагать, что речь идет здесь об оценке имущественных классов Солоня не только в зерне, но и в овцах и деньгах, т. е. о распределении четырьмя *τέτλη* — скотоводов, торговцев и ремесленников.

<sup>1</sup> Plut. Sol., 24.

<sup>2</sup> См. К. М. Колобова, К вопросу о судовладении в древней Греции, Изв. АИМК, вып. 61, 1933, стр. 35, 90. См. Françoise, Industrie dans la Grèce ancienne, I, 1901, стр. 200 сл.

ния разных ассоциаций и товариществ, свобода, не подлежащая контролю государства даже в том случае, если ассоциация основана в делах пиратства; с другой стороны, договор сочленов становится законом, если он не противоречит законам государства, и т-третьих, — все эти по существу очень различные ассоциации охватываются одним законом; это свидетельствует о том, что каждый тип ассоциации еще очень слабо развит и что специальные различия каждого вида еще даже не намечены. Кроме того, отмеченное выше равноправие перед законом пиратства и торговли указывает на равновесие борющихся групп: родовитой знати, промышленяющей сухопутным и морским разбоем и обогащающейся на этой основе рабами-военнопленными и товарами, и выступающих перодовитых богачей, обладающих уже и землями, и деньгами, и товарами, и борющихся за право свободно торговать без риска попасть в плен и, потеряв весь груз, стать рабом.

Итак, Атика предстает здесь перед нами в момент, когда новые, вызванные к жизни производительные силы, еще не настолько сильны, чтобы овладеть страной, а старые еще не так слабы, чтобы сдать без боя свои позиции. Но тем самым уже predeterminedена и победа первых и поражение последних. Скоро пиратство сменится организованной торговлей и будет вытеснено за пределы общины; <sup>1</sup> ремесленники получают доступ к политическим должностям, и община свободных тесней сожмется в целях организованного господства над рабами; рабство станет господствующим, охватив ремесло и торговлю и начиная частично просачиваться в сельское хозяйство; морская торговля займет одно из главных мест в системе афинского хозяйства, а денежный капитал станет безусловно господствующим во внутренних и внешних сношениях.

Гесиодовский крестьянин, который одновременно и земледelec и ремесленник, в Афинах в солоновский период становится уже анахронизмом. Беднота, лишенная возможности прокормиться на своих маленких участках, направляется к городскому центру в поисках заработка. Сложение долгов и возвращение в Атику проданных в рабство и даже забывших родную речь людей в качестве граждан, однако, не уничтожило ипотеки, займов под проценты, продажи земли и земельной спекуляции. Даже люди, получившие свои наделы обратно, получили их без инвентаря, без денег и без семян и для возобновления хозяйства, большей частью, должны были снова брать заем под большие проценты. <sup>2</sup> Наиболее мелкие земледельцы начинают оседать теперь в городе; кроме того, в Афинах, как об этом говорит Плутарх, <sup>3</sup> право гражданства получили лица, навсегда изгнанные из своего отечества, а также люди, переселившиеся в Афины всем домом для занятия ремеслами (ἐπι τέχῃ). <sup>4</sup> Этот закон имел целью привлечь в Афины новых лиц, искусных в каком-либо виде ремесленной деятельности, и мы знаем, что, например, гончары и художники из

<sup>1</sup> О пиратстве см. мою выше цитированную работу, стр. 89 сл.

<sup>2</sup> Plut. Sol. 24.

<sup>3</sup> Ср. также Plut. Sol. 19, где все ставшие до Солона ἔτρωι становятся вновь ἐπίτρωι, т. е. получают гражданские права, кроме осужденных за убийство и за попытки ввести тиранию.

<sup>4</sup> С. Я. Лурье. История атической общественной мысли, стр. 92.

многих ионийских центров в этот период стекались в Аттику. Особенно усилился этот приток при Писистрате.

Большой технический прогресс и ряд крупных сдвигов во всех отраслях производства, падающий вообще в Греции (в частности, и в Афинах) на VII—VI вв., был обязан своим размахом свободному населению — ремесленникам и метекам, не отягощенным еще изнурительными повинностями и еще не испытанным разорительной конкуренции привозного рабского труда. В то время как земледелие фактически не прогрессирует и земледельцы обречены на неудачи в бедствия, ремесленники (граждане и метеки) находились материально в гораздо лучших условиях. Спрос на их работу возрастал параллельно с возрастанием внешней торговли. Приток иностранного населения достиг особенного размаха при Писистрате, но уже и Солон не мало содействовал своим законом об иностранцах их переселению в Афины. Эта нехватка свободных рабочих рук очень ясно выступает также в других, непосредственно касающихся граждан, законах. «Видя, что, с одной стороны, город наполняется людьми, непрерывно стекающимися отовсюду в Аттику ради безопасности, что, с другой стороны, большая часть земли неплодородна и скудна, а люди, промысляющие морем, отнюдь не имеют привычки ввозить что-нибудь к тем, кто ничего не может дать в обмен, (видя это), он повернул граждан в сторону ремесел и написал закон, по которому сыну не вменяется в обязанность кормить отца, не обучившего его ремеслу».<sup>1</sup>

*Nómos árúias* — закон против праздности, согласно тому же Плутарху, существовал еще до Солон<sup>2</sup> — при Драконте. Драконт, по словам Плутарха, наказывал праздность смертью. О наказаниях за праздность, введенных Солон<sup>3</sup>, Плутарх ничего не сообщает. Он довольствуется на этот раз довольно краткой формулировкой: «Солон же... видя, что страна по своей природе скупко удовлетворяет земледельцев и не может прокормить праздную и бездельную толпу, окружил ремесла почетом и поставил совет Ареопага надзирать за тем, откуда каждый добывает пропитание, праздных же наказывать».

Но Лисий<sup>3</sup> и Поллукс<sup>4</sup> останавливаются на этом законе подробнее: на первый раз — штраф в 100 драхм и *átimia* — для третьего раза. Геродот<sup>5</sup> говорит о том, что Солон заимствовал этот закон у египтян, где каждый гражданин должен был объявлять фараону о своих средствах к жизни; человек, не указавший средств существования или не доказавший, что он добывает средства существования законным путем, подлежал смертной казни.

Солон, как это отмечает Франкотт,<sup>6</sup> еще не был заражен античным предрассудком, осуждавшим физическую работу. Рабство, скажем мы, еще не охватило промышленность и для классического рабовладельческого мировоззрения еще не было места. Солон, перечисляя

<sup>1</sup> Plut. Sol., 22.

<sup>2</sup> Ср. Plut. Sol., 17; Диоген Лаэртский (I, 55) Поллукс (VIII, 42) называют законодателями сразу и Драконта и Солон; тот же Плутарх (Sol. 31) приводит мнение Теофраста о том, что этот закон был издан впервые Писистратом.

<sup>3</sup> Lys., lex. Cant. 665, 20.

<sup>4</sup> Poll., VIII, 42.

<sup>5</sup> Her. II, 177.

<sup>6</sup> Francotte. L'industrie, II, 119—124.

возможности разбогатеть, говорит о морской торговле, садоводстве, земледелии, ремеслах Афины и Гефеста, о поэзии, пророчестве и врачевании.<sup>1</sup> Все эти занятия и «специальности» перечисляются как равные друг другу; благородных и неблагородных занятий еще не существует. Своими законами против праздности и против родителей, не научивших детей труду, Солон борется против нищеты разорившихся земледельческих слоев. Он показывает новую дорогу бывшим рабам, толкая их к непривычному для них ремесленному труду еще и тем, что не дал им никакой точки опоры в их мелком и уже разоренном земледельческом хозяйстве. Но наряду с развитием ремесла и торговли, наряду с привлечением свободных афинян и не-афинян в города на ремесленные и строительные работы, в ремесло все больше и больше начинает просачиваться рабство, которому теперь найдено соответствующее применение, — в этот период без особого ущерба для свободных. Аттика, таким образом, вступила в печальную пору своего классического расцвета, когда, по выражению Маркса, «мелкое крестьянское хозяйство... и производство самостоятельных мелких ремесленников... представляют экономическую основу классического общества», так как «рабство еще не успело овладеть производством».<sup>2/</sup>

Тут мы подходим к самому кардинальному вопросу солонической реформы — к проблеме сейсахфии.

Все предыдущие (а в хронологической последовательности реформ Солона последующие) реформы ~~не~~ игнорировали родовые формы до-солонического общества, но по существу они имели целью разбить узурпированные знатью родовые органы путем или их замещения или введения наряду с ними новых — чисто государственных — органов, или путем переоформления их на качественно-новой основе.

Аристотель рассказывает, что после ликвидации дела Алкмеонидов, наступил продолжительный период междоусобицы, расколовший страну на два враждебных лагеря: *οἱ γῦφρῶται* и *τὸ πλῆθος*.

В этом расколовшемся на два лагеря обществе существует деление на родовую знать — евпатридов (*ἄριστοι*) и массу неблагородных (геоморы, демиурги). Совпадает ли с этим делением деление на *γῦφρῶται* и *πλῆθος*? В следующей же фразе оба понятия раскрываются как *οἱ πλοῦστοι* и *οἱ πένητες*.

У Плутарха<sup>3</sup> при изложении борьбы в предсолонической Аттике ни слова нет об *ἄριστοι*, об евпатридах, и речь идет исключительно о *πλοῦστοι*. Ввиду того, что ряд исследователей склонен считать термин *γῦφρῶται* простым синонимом знатных,<sup>4</sup> т. е. евпатридов, сле-

<sup>1</sup> Sol. fr. 13, 41.

<sup>2</sup> Маркс. Капитал, I, 1929, стр. 251, прим. 24.

<sup>3</sup> Plut. Sol. 13—14.

<sup>4</sup> Например, Wilamowitz (Griechisches Lesebuch, II, 20), комментируя данное место «Политии», говорит, что Аристотель применяет здесь позднейший термин к более раннему периоду, «когда высшее сословие обладало большими правами или даже одно только им обладало на основе имущества или благородства крови» (Besitz oder Blut).

Busolt (ук. соч., I, 211) говорит: «Параллельно с эпитетами, касающимися имущества, имеем ряд эпитетов, выдвигающих преимущественно рождения и личности (Geburt und Persönlichkeit)». В этот ряд, начинающийся с *ἄριστοι*, *βέλτιστοι*, Busolt включает и *γῦφρῶται*. Ср. также I. M. Linforth, Solon the Athenian, 1919, стр. 51. Обратного взгляда держится Виллер (История Греции, 1914, стр. 144): «Аристотель не говорит точно, кто те не-

дует несколько остановиться на содержании этого крайне важного понятия.

Очень распространенным является взгляд, по которому — вплоть до Солона — богатство и знатность (по крови) совпадают.

До крайнего выражения это мнение доводит Ch. Gilliard,<sup>1</sup> утверждающий, что до Солона вообще не могло существовать богатого человека не-евпатридского происхождения, а если бы таковой и возник, то был бы поглощен родовой знатью евпатридов. Другие исследователи допускают возможность разбогатеть на торговле или ремесле для человека не-евпатридского происхождения. Впрочем, трудно было бы отрицать такую возможность, имея перед собой свидетельство Солона,<sup>2</sup> где торговля поставлена в один ряд с ремеслом, искусством и даже батрачеством. Феогнид<sup>3</sup> прямо говорит о богатстве, портящем чистоту благородной крови путем брака: *κλοῦτος ἐμῆς γένος*; но, может быть, это богатство неблагородных возникает *только* посредством участия в торговле и ремесле? Может быть, действительно, в сфере земельных отношений можно говорить о более или менее значительных владениях только евпатридов?

Нам кажется, что в пользу такого ограничения нельзя привести ни одного существенного довода и мнение это целиком основано на предвзятом отождествлении аристотелевских *γῦφροι* с евпатридами.

Если конценрация земли в предсолонской Аттике совершается на основе долговой кабалы и если источники обогащения, хотя бы в форме торговли, открыты для всех, а не для одних евпатридов, то совершенно непонятно, почему в роли ростовщика, ставящего на поле бедняка ипотечный знак, может выступать *только* благородный?

Поэма Гесиода имеет в виду не знать, но средний слой зажиточного крестьянства, не ставя никаких пределов этой зажиточности. И, если даже не опираться на сомнительный стих Гесиода, говорящий о возможности продажи земельных участков одним соседом другому,<sup>4</sup> хотя его сомнительность сама по себе тоже сомнительна,<sup>5</sup> то уже не подвергаемый сомнению рассказ об отце Гесиода и Перса при обычном его толковании (которое я всецело разделяю) допускает возможность приобретения земельного участка на средства, полученные путем торговли.<sup>6</sup> И опять, только заранее предвзятая точка зрения заста-

многие, что владели всей землей; они только, в его глазах, *γῦφροι*, влиятельные люди. Индоевропейские историки опять услужливо добавляют: то были евпатриды, члены старейших аристократических фамилий».

<sup>1</sup> Ch. Gilliard, *Quelques réformes de Solon*, стр. 82 сл.

<sup>2</sup> Sol. fr. 13, 42 сл.

<sup>3</sup> Theogn., 183, 192.

<sup>4</sup> Hesiod, Op. et d., v. 341: *ἄφρ' ἄλλων ὠνῆ κλήρον, μὴ τὸν τεόν ἄλλος*.

<sup>5</sup> Его расценивает, как сомнительный, Guiraud (Probl. foncière..., стр. 101), считая его — с точки зрения общей концепции развития земельного права — позднейшей вставкой. Однако Beauchet (Hist. du droit privé, III, стр. 66 сл.) считает возможным существование продажи земли до Солона, ибо античные авторы не сообщают нам, чтобы она была введена Солоном, а после Солона она уже, во всяком случае, существовала. Ch. Gilliard (ук. соч., стр. 131—132, прим. 2), цитируя данную строчку Гесиода, пишет: «Il n'en est pas moins intéressant: la transformation s'est faite, peu nous importe que ce soit un peu plus tôt ou un peu plus tard».

<sup>6</sup> Толковать это приобретение, как получение общинного участка, вряд ли приходится, так как Гесиод не был гражданином одной из беотийских общин: он прибыл из Книмы.

вляет безоговорочно утверждать, что человек неблагородного происхождения путем торговли может приобрести только маленькие средства и маленькие участки, а большие средства и большие участки могут приобрести только люди благородного происхождения.

Уже в поэме Геснода налицо социальная дифференциация среди крестьянства и займы соседей друг у друга: а в Аттике — с ростом денежного хозяйства и с вывозом сельскохозяйственных продуктов за пределы страны — этот процесс, принимая форму долговой кабалы, еще усиливал процесс социальной дифференциации.<sup>1</sup>

Конечно, этим мы отнюдь не отрицаем большой роли знатных родов, в руках которых издавна сосредотачивались не только большие земельные «вырезы», не только движимые богатства, но и политические привилегии и права. Но тем не менее утверждать, что земледельцы занимали только у знати, и отрицать процесс социальной дифференциации в среде разлагающейся общины, кроме деления на евпатридов и не-евпатридов, по нашему мнению, совершенно неосновательно.

С нашей точки зрения, здесь происходит единый процесс концентрации земельных участков в руках более зажиточных элементов, вне зависимости от благородства по крови. Первоначальное выделение родовой знати, как это видно из гомеровских поэм, основывалось не на крупном землевладении, а на владении крупными стадами, которые паслись на общинной, может быть, еще родовой земле. В процессе концентрации земли не происходит образования новых крупных земельных собственников наряду со старыми, но происходит трансформация родовой знати в имущественную верхушку.<sup>2</sup>

Напротив, утверждая полное тождество крупных землевладельцев и евпатридов, мы неизбежно должны трактовать революцию Солона как своего рода торгово-промышленную революцию, для чего, конечно, нет никаких оснований, поскольку Атика еще и в VI в., во всяком случае до Солона и во время Солона, продолжает, в основном, оставаться земледельческой страной.<sup>3</sup>

С этой же точки зрения совершенно необъясним натуральный характер солоновского ценза, потому что, если это так, то солоновские пентакосиомедимны и всадники — те же, не изменившие своей природы, до-солоновские евпатриды.

<sup>1</sup> Об этом же с нашей точки зрения говорит и богатство терминологических различий для земледельческого населения.

<sup>2</sup> В этом смысле по своему гораздо убедительнее, чем возражения моих оппонентов, было бы замечание U. Kahrstedt'a, который, указывая, что нельзя представлять себе всех крестьян крепостными, но нужно учитывать, что определенное число было свободными, пишет: «Es ist wichtig, sich klarzumachen, dass die Eupatriden als Adelsstand das Produkt eines wirtschaftlichen Prozesses sind, zumal niemand da war, um Adelspatente zu verleihen. Sie sind die Familien, die im 7 Jhd. durch Bauernlegen stark wurden» (U. Kahrstedt, Staatsgebiet u. Staatsangehörige in Athen, Stuttgart, Berlin, 1934, стр. 59, 1). Это было бы совершенно верно, если бы создание генеалогий знатных родов относилось к VII в., но это утверждение также не имеет под собой никакой реальной почвы.

<sup>3</sup> A. Blake w a y (Greek commerce with the West, 800—600 B. C., the Annual of the British School at Athens, XXXIII, 1935, стр. 202 сл.) приходит к выводу на основании изучения греческой керамики, что в период от 735 до 690 г. устанавливается связь с Западом — Киклад, Крита, Коринфа, вост. Греции, Беотии (?) и Аргоса без преобладания какого-либо центра (стр. 202—203). Выдвижение Коринфа датируется им с 675—600 г. (стр. 204). Атика выступает лишь в самом конце VII в. (стр. 205, 207). Расцвет аттической керамики падает на VI в., т. е. на время Писистрата.

Кроме того, мы нмсем весьма недвусмысленное свидетельство Аристотеля, который знает и употребляет термин «евнатриды» и, однако, почему-то не говорит о восстании народа против евнатридов, а вводит иной термин — γυνήριαι. Мы попытаемся далее показать, какой смысл вкладывался в этот термин во времена Аристотеля. Таким образом, тот, кто утверждает наличие исключительно евнатридского крупного землевладения, должен доказать, что Аристотель в данном случае неточно излагает факты, и подтвердить это доказательство иными конкретными данными. Между тем, до сих пор приходится слышать лишь общее утверждение, что неродовитых зажиточных землевладельцев не было, потому что им неоткуда было взяться. Конечно, это ни в коей мере не может ни претендовать на научность, ни служить каким-либо доводом против нашей гипотезы. Несомненно, что Аристотель употребляет его как живое бытующее слово в том значении, в каком оно употреблялось в его время.

И вот, обращаясь к Демосфену,<sup>1</sup> мы узнаем, что знаменитый ростовщик Формион стал γυνήριος ἀντ' ἀνδραπόδου. Совершенно ясно, что в понятии γυνήριος здесь нет ни малейшего оттенка родовитости. Сделать бывшего раба знатым, ἀριστος, никакая «милость господина» не в силах. В другой речи Демосфена<sup>2</sup> читаем о превращении некоторых людей из нищих и безыменных — ἐκ πτωχῶν καὶ ἀνόμων — в πλοῦσαι καὶ γυνήριαι. Противоположение ἀνόμων — γυνήριος здесь очевидно. И сам Аристотель в «Политике»<sup>3</sup> говорит о честолюбии, побуждающем людей к действиям, вследствие которых они ἐνομοαστοὶ γίνονται καὶ γυνήριαι τοῖς ἄλλοις. Это то же самое противоположение ἀνόμων — γυνήριος, что и в приведенном месте у Демосфена. В другом месте «Политики»<sup>4</sup> Аристотель говорит, что Солон установил все правительственные должности ἐκ τῶν γυνήριων καὶ τῶν εὐπόρων, и затем перечисляет солоновские имущественные классы. Я не считаю возможным видеть в этом выражении простое повторение терминов ἀριστίνδην καὶ πλουτίνδην и думать, что Аристотель в какой-нибудь мере приписывал Солону сохранение привилегий евнатридов как таковых.

Несомненно, что γυνήριαι καὶ εὐποροὶ равны здесь трем первым классам Солона. Но в них нельзя видеть две различные группы — «родовую знать» и «богачей», которые в солоновских τέλη оказались разделенными на три класса. Это просто два эпитета, которыми Аристотель наделяет три класса в целом.

Несколько выше<sup>5</sup> Аристотель говорит: εἶναι γὰρ μὲν ἐν Ἀρείφ πάγῃ βουλῆν, ὀλιγαρχικόν, τὸ δὲ τὰς ἀρχὰς αἰρετὰς ἀριστοκρατικόν, τὸ δὲ δικαστήριον δημοτικόν. Едва ли кто-нибудь станет понимать это ἀριστοκρατικόν в смысле господства *родовой* аристократии! Ясно, что господство *трех* классов представляется Аристотелю как господство «лучших людей» — ἀριστοι. О том же он говорит и дальше, называя их не только εὐποροι, но и γυνήριαι. Γυνήριαι καὶ εὐποροι — одно понятие: «люди видные и состоятельные».

<sup>1</sup> Demosth. Or. 45, 73.

<sup>2</sup> Demosth. Or. 8, 66.

<sup>3</sup> Arist. Pol. 1312a, 27—28.

<sup>4</sup> Arist. Pol. 1274a, 18 сл.

<sup>5</sup> Arist. Pol. 1293b, 39—41.

Ссылки на Аристотеля можно было бы значительно увеличить, но, кажется, что и приведенных достаточно. Приведем лишь одно очень характерное и терминологически совершенно тождественное место из того же Аристотеля, говорящего о причинах, вызывающих мятежи и раздоры в государствах. Одной из таких причин, по мнению Аристотеля, является страх: совершившие несправедливость устраивают восстания из боязни, что им придется дать отчет в совершенном, и те, кому угрожает несправедливость, делают то же из желания предупредить обиду. «Так на Родосе γυφριμοι восстали против народа (ἐν Ῥόδῳ συνέστρασαν οἱ γυφριμοι ἐπὶ τὸν δῆμον) из-за возбуждения против них судебных преследований».<sup>1</sup> По всей вероятности, это замечание Аристотеля следует относить к олигархии 391 года, о которой Диодор<sup>2</sup> прямо говорит как о восстании лаконской партии против народа. К этому же моменту относится и непосредственно примыкающая к разобранной вторая заметка Аристотеля,<sup>3</sup> где он говорит о демократиях, гибнущих от того, что людям состоятельным (εὐτοροῖ) внушают презрение царящие в них беспорядок и анархия. Так разложилась, замечает он, и на Родосе демократия перед восстанием. Таким образом, здесь Аристотель, как я это пыталась показать в другой работе,<sup>4</sup> говорит об одном и том же событии. Γυφριμοι: раскрываются как εὐτοροῖ и ни в коей мере не являются родовой знатью.

Γυφριμοι, конечно, не «знать», а «известные» люди. Мы бы сказали даже — всем знакомые, это — именитые (δυναστοί) в смысле *приобретших* себе имя, а не унаследовавших его. Это — люди, известные не по имени только, не по наслышке, а те, кого знают в лицо. Однако, мы не хотим сказать, что γυφριμοι выделяются в какую-то особую группу наряду с евпатридской знатью. Разумеется, богатый евпатрид, землевладелец или ростовщик, также был таким γυφριμος. Мы хотим лишь подчеркнуть, что рассматриваемое понятие шире, чем его обычно толкуют.

В «Политике»<sup>5</sup> Аристотель перечисляет различные «виды» (εἶδη) простого народа (τῶ δῆμον) и τῶν λεγομένων γυφριμῶν. Для простого народа деление проходит по профессиональному признаку: земледельцы, ремесленники, торгующие, моряки и т. д.

Что же касается так называемых γυφριμοι, то для них Аристотель устанавливает следующий ряд: κλοῦτος εὐγένεια ἀρετῇ παιδεία; очевидно, он хочет сказать, что в среде самих γυφριμοι имеются различные группы в зависимости от способа, каким приобретена «знатность». Как видим — «благородство» εὐγένεια — отмечает лишь один вид «знатности». Человек может стать γυφριμος на основе богатства, благородства, личных заслуг, образования. В латинском переводе (по изданию Didot): *nobilium autem et clarorum virorum alii ex divitiis claritatem consecuti sunt, alii ex praestantia generis, alii ex virtute, alii ex doctrina...* Впрочем и самое понятие «благородства» у Аристотеля определяется уже не героической генеалогией, но разделяется на

<sup>1</sup> Arist. Pol. 1302b, 23 сл.

<sup>2</sup> Diod. XIV, 97.

<sup>3</sup> Arist. Pol. 1302b, 32 сл.

<sup>4</sup> Из истории купеческого капитала (Родос). (Работа еще не опубликована.)

<sup>5</sup> Arist. Pol. 1291b, 17—29.

ἀρετή и πλοῦτος: «ἡ γὰρ εὐγένεια ἐστὶν ἀρετή καὶ πλοῦτος ἀρχαῖος». <sup>1</sup> И подобно тому, как различны бывают демократии, в зависимости от того, какой «вид» демоса в них преобладает (земледельцы, ремесленники), также различны и олигархии, в которых преобладает то один, то другой из перечисленных выше «видов» γῶρμοι. <sup>2</sup> Неоднократно возвращаясь к борьбе «простого народа» со «знатью» (γῶρμοι), Аристотель приводит примеры разных хронологических периодов, взятых им из жизни различных греческих общин. Поэтому нет ничего удивительного в том, что под именем γῶρμοι у него выступают различные общественные группировки. Так, в разобранном выше восстании на Родосе действовали богатые родосские кушцы; наряду с этим Аристотель также говорит о γῶρμοι, вспоминая, совет, данный Периандру Фрасибулом <sup>3</sup> (известный анекдот о сбивании высоких колосьев); в этом случае под γῶρμοι следует понимать скорее всего *родовитую* знать. Для Аристотеля, впрочем, *родовой* характер знати, с которой борется древняя тирания, является моментом второстепенным; точнее, — он вовсе не обращает на него внимания. Так, приводя анекдот о Периандре, Аристотель иллюстрирует им общее положение о борьбе тиранов с элементами, возвышающимися над средним уровнем общества; для *поздней* тирании вожди демократии были такими же γῶρμοι, такими же поднимающими голову колосьями, как и коринфская знать VII в. до н. э. для Периандра.

Таким образом, понятие γῶρμοι, как мы видим, предполагает иной — не *родовой* — принцип деления общества, и именно по этому новому принципу раскалывается афинское общество перед выступлением Солона на два враждующих лагеря. <sup>4</sup>

Вряд ли под этими богачами и именитыми людьми следует понимать очень крупных землевладельцев. Конечно, отдельные евпатридские семьи могли владеть более крупными земельными участками. Но сама эта значительность была относительной. Уже небольшие

<sup>1</sup> Arist. Pol. 1294a, 21—22. У Didot: nam generis praestantia seu nobilitas nihil aliud est, quam divitiae antiquae et virtus. По нашему мнению нельзя трактовать выражение ἀρετή καὶ πλοῦτος как своего рода ἐν διὰ ὁμοίᾳ. В доказательство правильности этого толкования ссылаются на выражение ἀριστινὴν καὶ πλουτινὴν, встречающееся и у Аристотеля, но я не могу согласиться с этим, так как сам же Аристотель в одном месте (Pol. 1273a, 21—24) противопоставляет ἀριστινὴν и πλουτινὴν: οὗ γὰρ μόνον ἀριστινὴν, ἀλλὰ καὶ πλουτινὴν οἰοῦνται δεῖν αἰρεῖσθαι τοὺς ἄρχοντας.

<sup>2</sup> Arist. Pol. 1296b.

<sup>3</sup> Arist. Pol. 1311a.

<sup>4</sup> Е. Г. Кагаров, возражая на пленуме Института истории рабовладельческого общества Гос. Академии истории материальной культуры (15—16 июня 1934 г.) против моего понимания термина γῶρμοι, ссылаясь на приводимые Аристотелем стихи самого Солона (Аф. Пол., 12): «недопустимо, чтобы равную долю имели в тучной родимой земле ἐσθλοὶ и κακοί». Конечно, ἐσθλός часто обозначает человека «благородного». Всякий «благородный» уже тем самым будет и ἐσθλός. Но это, однако, не означает, что всякий ἐσθλός должен быть непременно «благородным». Ἐσθλοὶ и κακοί — «люди лучшие» и «люди подлые». Деление это свойственно всякому классовому обществу, но где проходит демаркационная черта, какой смысл вкладывается в понятие «лучшие, отличные люди», — это зависит от структуры данного общества. Какой смысл имело это деление для самого Солона, видно из того, что он определил свой первый класс количеством медимнов, а не героической генеалогией. Ср. употребление το ἐσθλον и τὰ ἐσθλά в значении «благо», «счастье» у самого Солона (fr. 13, 63; fr. 33, 2). Конечно, было время, когда ἐσθλοὶ и евпатриды совпадали. Но слова переосмыслиются. Золото «благородный» металл, и все же не каждый буржуа — дворянин.

размеры территории Аттики<sup>1</sup> не давали возможности развернуться крупному землевладению. Самый факт преобладания садовых культур побуждает нас не преувеличивать размеры крупных аттических имений.

Правда, Аристотель совершенно ясно говорит, что «вся земля была в руках немногих», и это свидетельство заставляло одних говорить о концентрации всей земли в руках немногих знатных родов, других считать сообщение Аристотеля неправильным, поскольку уже самый факт закабаления свободного крестьянства предполагает существование такового наряду с крупным землевладельцем. И то и другое основывается уже на отмеченном нами неправильном толковании термина γῳφρικοι. Если γῳφρικοι — евпатриды, то они действительно составляли подавляющее меньшинство населения Аттики, и сосредоточение земли в их руках означало бы существование своего рода латифундий, поскольку возможно говорить о них при незначительности общей территории Аттики. Но если, как мы пытались показать, γῳφρικοι всего лишь зажиточные люди (знатные и незнатные), пользующиеся известностью в своем околотке, то, составляя меньшинство в этом околотке, они образывали численно весьма значительную группу всего населения Аттики. В этом смысле мы и понимаем слова Аристотеля: «вся земля была в руках немногих».<sup>2</sup>

(Вся земля была в руках немногих в пределах тех многочисленных сельских общин, на которые распадалась территория Аттики) Именно так, кажется нам, представлял себе картину сельской Аттики Энгельс, когда он в 1893 г. писал в письме к Даниельсону: «Афинские кулаки и мироеды перед появлением Солона разрушили афинский род (gens) с такою же неумолимостью и беспощадностью, с какими кулаки и мироеды вашей страны разрушают вашу общину».<sup>3</sup>

Понятие «кулак», употребленное Энгельсом, представляется нам достаточно четким для того, чтобы думать, будто Энгельс имел здесь в виду родовую знать. Правда, нам могут возразить, что Энгельс с полной определенностью говорит о разрушении рода, а не аттической сельской общины. Но нам кажется ясным, что под «родом» Энгельс разумеет здесь отнюдь не «инокеский первичный род», а γένος в том его виде, в каком он существовал в период, предшествующий Солону, а роды после фиксации числа родов, фратрий и фил были уже „ὄχι ἐξ αἰμάτων“, „τὰ χαλοῦμενα γένη“<sup>4</sup> и фактически были простой территориальной общиной, хотя и оставались подразделением родовой фратрии.

Отождествление γῳφρικοι со знатью совершенно искажает картину того, что делалось в сельской Аттике предсолоновской поры.

На Западе, да и у нас, «закабаление крестьян знатью» вызывало и вызывает ассоциации с феодальными отношениями. Трактовка афинских гектеморов как крепостных — явление, широко распространенное. Смешение идет по линии: γῳφρικοι = родовая знать = родовитая знать = дворянство = Adel.

<sup>1</sup> Около 2550 кв. км, из них пригодной для земледелия площади — 600 кв. км. Ср. Busolt, Griech. Staatskunde, II, стр. 758.

<sup>2</sup> ἡ δὲ πάσα γῆ δὲ ὀλίγων ἦν.

<sup>3</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс. Письма, под ред. В. В. Адоратского, М. — Л. Соцэкгиз. 1932, стр. 330.

<sup>4</sup> Нагроч., s. v.

По вопросу о крепостном характере афинской кабалы имеется огромная литература: на точке зрения крепостничества стоит целый ряд западных исследователей античности.<sup>1</sup> Поэтому мы должны несколько задержаться на нем.

Обратимся опять к свидетельству Аристотеля: «Ведняки находились в рабстве (ἐδούλευον) у богатых и сами, и дети их, и жены и пазывались *πελάται* и *ἐκτῆμοριοι*».<sup>2</sup> Уже в древности употребленные здесь Аристотелем термины *πελάται* и *ἐκτῆμοριοι* перестали быть ясными и требовали истолкования со стороны схолиастов и лексикографов. Нам кажется, что при нашем понимании термина *γυφίμος* становится совершенно прозрачным и смысл термина *πελάτης*. Античные лексикографы связывают его с *πέλας* и нет никаких оснований, как мы попытаемся показать, отвергать эту простую этимологию. Это — сосед, обедневший захудалый сосед зажиточного землевладельца. Позднее это конкретное бытовое содержание утрачивается.

Гезихий объясняет слово *πελάται*, как «находящиеся в рабстве (δουλεύοντες) за плату, ради необходимого пропитания» и прибавляет: *ἀπὸ τοῦ πέλας*. Связь с *πέλας*, как мы видим, ощущается уже чисто формально: слово наполнено чуждым для его этимологии содержанием. Схолиаст к Платону<sup>3</sup> связывает *πελάτης* и *πέλας* посредством понятий *προσπέλαζων*, *προσάων*, т. е. человек, приближающийся к другому из-за нужды и прислуживающий ему за пропитание. Однако тут же прибавляется и второе объяснение *πελάται* *εἰσὶν οἱ παρὰ τοῖς πλεῖστον ἐργαζόμενοι*, т. е. работающие у соседей. И, повидимому, как раз в этом конкретном бытовом значении употреблено слово и у самого Платона в соответствующем месте Евтифрона: *πελάτης τις ἦν ἐμὸς καὶ ὡς ἐγεωργῶμεν ἐν Νάξῳ ἐθήτεον παρ' ἡμῖν*.<sup>4</sup> Разбогатевший землевладелец Афинской равнины видел в ок-

<sup>1</sup> На этой точке зрения стоит В e l o s c h, *Griech. Gesch.*, II<sup>2</sup>, 1 стр., 293 сл. Он считает их арендаторами или зависимыми половниками. В u s o l t, *Griech. Staatskunde*, стр. 779 сл. «Крепостничество в истории, — пишет он, — выступает в многообразных степенях: от налоговой повинности с правом владения двором до полного крепостничества без права владения». Для Вusolt'a между гектеморами и илотами, афамниотами, пенестами и «другими крепостными крестьянами» существует только одно различие: гектеморы этнически принадлежат к афинской общине, все же прочие категории этнически-чужеродные элементы. Однако крепостными являются и те и другие. S w o b o d a (*Beiträge z. Griech. Rechtsgeschichte*. Sav. Z., XXVI, 1906, стр. 248—251) видит в гектемомах зависимых крепостных, сблизив их с колонами (зависимость), метеками (сслешность) и илотами (государственный характер наследственной зависимости и государственная нормировка отношений между земледельцами и илотами). Сравнительным материалом для трактовки гектемор как крепостных служат илоты, пенесты, мариандины, клароты, войкеи, затем колотов — эллинистический и позднее римский, *adscriptionis* и далее крепостничество новейшего времени. Ничуть не смущаясь разнородностью, разностадиальностью и разнобразием собранного материала, Swoboda приходит к выводу, что гектемория представляет из себя соединение половничества (более древний момент) с крепостничеством (стр. 259—262).

Откровенной примитивностью и грубым искажением исторической действительности является работа L i n f o r t h 'a, *Solon the Athenian*, стр. 49. Linforth утверждает, что старый (до-солонский) социальный строй очень сходен с феодализмом средних веков. Отсюда — евпатриды без лишних оговорок превращаются у него в лордов, а демос — в вассалов этих лордов.

Подробнее литературу о гектемомах с кратким перечнем мнений см. у Вusolt'a, стр. 779 сл. (в примечаниях).

<sup>2</sup> *Arist. 'Aθ. Πολ.* 2, 2.

<sup>3</sup> *Schol. Plat. Euth.* 4 с.

<sup>4</sup> *Plato, Euth.* 4 с.

рестной бедноте просто соседей: ни зависимости, ни порабощения, ни платы в этом слове первоначально не скрывается. Все это — моменты, внесенные в него теми экономическими условиями, в которые попали эти соседи в процессе утверждения рабовладельческого общества.

Само по себе понятие «пелаты» не включает в себе признака эксплуатации. В тексте Плутарха мы имеем вместо него, очевидно, употребленное в том же смысле название «феты». Этимология слова  $\theta\eta\varsigma$  в противоположность термину  $\pi\lambda\acute{\alpha}\tau\eta\varsigma$  не отличается ясностью, по его смысл из источников и прямых разъяснений лексикографов устанавливается с достаточной точностью:  $\theta\eta\varsigma$  — фет и соответствующий глагол  $\theta\eta\tau\epsilon\lambda\epsilon\iota\upsilon$  — прилагались к человеку, исполняющему за установленную плату определенную работу для другого, причем работа эта могла быть и земледельческого характера.<sup>1</sup> Дионисий Галикарнасский, сближая пелатов с римскими клиентами,<sup>2</sup> замечает: «Афиняне называли пелатов фетами по наемной работе ( $\epsilon\pi\iota$  τῆς λατρείας), а фессалийцы — пенестами».

Этот знак равенства, поставленный между обоими понятиями — ошибочен, как ошибочно и отождествление пелатов с клиентами. С одной стороны эксплуатация путем найма не была, как увидим, единственной формой эксплуатации соседа соседом; таким образом, пелат мог становиться фетом лишь при определенных условиях, когда он выступал в качестве наемного свободного батрака. С другой стороны феты могли набираться и не из числа ближайших соседей. У Гомера, как отмечают и Вузольт, и Глотц, и ряд других исследователей, феты обычно оказываются зажими людьми —  $\xi\sigma\tau\omicron\iota$ .<sup>3</sup> Таким образом, свидетельство Плутарха, как кажется, страдает неполнотой, поскольку в нем пропущено указание на третью и весьма важную форму эксплуатации — путем ипотеки: свободные производители, работавшие в отличие от гектеморов, на собственной, но заложенной соседу-ростовщику земле, и могли называться пелатами в узком смысле этого слова. Что же касается пропуска термина «фет» у Аристотеля, то он объясняется, может быть, тем, что Аристотель говорит специально об эксплуатации бедняков в сельском хозяйстве, а в этой области, как увидим, положение фета в сущности мало чем отличалось от положения гектемера.

Не следует, впрочем, понимать фетов как наемных рабочих в современном смысле этого слова. Лексикографы не напрасно разъясняют термин  $\theta\eta\varsigma$  через понятие  $\delta\omicron\delta\lambda\omicron\varsigma$   $\epsilon\pi\iota$   $\mu\epsilon\lambda\epsilon\theta\epsilon\iota$ . В сущности это был не столько найм, сколько запродажа своей личности на определенный срок. Исконная, уходящая корнями вглубь родового строя, форма эксплуатации — рабство, — с усложнением экономической жизни общества сама усложнялась, модифицировалась, находила новые объекты в среде самих сородичей, но сущность всех этих новых производных форм оставалась все та же — апроприация человеческой личности.

И вместе с этим мы вплотную подходим к вопросу о том, кто же были гектеморы?

<sup>1</sup> Ср. II, XXI, 444.

<sup>2</sup> Dion. Hal. Antiquit., II, 9.

<sup>3</sup> Ср. Busolt, *ibid.*, стр. 170, 319; G. Glotz, *Le travail dans la Grèce ancienne*, 1920, стр. 37—39.

Толкование этого термина вызвало огромную литературу.<sup>1</sup> Вопрос о том, платили ли они  $\frac{5}{6}$  урожая или  $\frac{1}{6}$ , вызывал, вызывает и, вероятно, будет вызывать нескончаемые споры. Вопрос о доле урожая стал неясным уже в античности. Мы лично склоняемся к тому, что гектемор должен был платить  $\frac{5}{6}$ , ибо иначе нельзя понять той тяжести положения гектеморов, о которой свидетельствуют источники. Положение гектемора, обрабатывающего поля богатей, было, вероятно, тяжелее, чем положение раба: раб по сравнению с гектемором находился в том привилегированном положении, что его кормили круглый год независимо от размеров урожая обрабатываемого им поля. Если мы при этом учтем и конкуренцию, в которую вступал труд гектемора с трудом раба, то эта конкуренция заставляла гектемора напиматься с большей выгодой и меньшими расходами для соседа-богача, который иначе купил бы раба. Таким образом, в лучшем случае положение гектемора не отличалось от положения купленного раба, хотя экономически он был обеспечен гораздо меньше, чем раб. На это указывает уже невероятно высокий процент отдаваемого урожая плюс неоплаченный земледельческий труд.

Гораздо сложнее вопроса о доле урожая вопрос о самой форме зависимости гектемора от землевладельца. И в этом вопросе ошибочное понимание термина γέφυρος приводит к ложному освещению сущности этой зависимости. Поскольку эксплуататорами оказываются немногочисленные представители евпатридской знати, зависимое от них крестьянство, платящее оброк ( $\frac{1}{6}$  или  $\frac{5}{6}$ ), сближается то с крепостными, сидящими на земле феодальных сеньоров, то с колонами, сидящими на землях владельцев римских латифундий; тогда как при нашем понимании характер эксплуатации сближается с отношениями разбогатевшего соседа (евпатрида и не-евпатрида) к закабаляемым путем ростовщичества соседям-беднякам.

Формой отношения гектемора к землевладельцу Аристотель называет μίσθος, т. е. «аренду». Здесь перед нами та двусторонняя форма

<sup>1</sup> Аристотель (Аф. Пол., 2, 2) по этому вопросу не дает ясной формулировки; Гесихий объясняет гектеморов как получающих  $\frac{1}{6}$  часть: ἐκτήμοροι· οἱ ἕκτο μέρος τῆν γῆν γεωργούντες. Также и Фотий: πελάται· οἱ παρὰ τοῖς πλεῖστον ἐργαζόμενοι· καὶ θῆτες οἱ αὐτοὶ καὶ ἐκτῆμοροι, ἐλαδὴ ἕκτο μέρος τῶν καρπῶν ἐργάζοντο τῆν γῆν (= Schol. Plat. Euth. 4 c). В основе толкования Плутарха — другая версия (Sol., 13) гектеморы уплачивали  $\frac{1}{6}$  часть урожая (об этом см. в моей работе: «Издольщина в Аттике», Проблемы ГАИМК, № 11—12, 1934 г., стр. 1 сл.). В связи с этим все ученые распадаются на два лагеря. За первую точку зрения (гектеморы выплачивали  $\frac{5}{6}$ ) высказываются Böckh, Sth. Ath. I<sup>3</sup> (1886), стр. 578, прим.; Hermann-Thumser, Gr. Staatsalt. II<sup>6</sup> (1892), стр. 335; G. Gilbert, Gr. Staatsalt. I<sup>2</sup> (1893), стр. 129; Wilamowitz-Moellendorf, Arist. u. Athen II (1893), стр. 58; P. Guiraud, La propriété foncière en Grèce (1893), стр. 422 сл.; Ed. Meyer, Gesch. d. Alt. II (1893), стр. 642; H. Francotte, L'industrie dans la Grèce ancienne II (1901), стр. 341; K. Daresté, Nouvelles études d'histoire du droit (1902), стр. 74; Beloch, Griech. Gesch. I<sup>2</sup>, 1 (1920), стр. 295, прим. 3; против этого взгляда: Fustel de Coulanges, Nouvelles recherches sur quelques problèmes d'histoire (1891), стр. 50; Schömann-Lipsius, Gr. Alt. I<sup>4</sup> (1897), стр. 337; Beauchet, Hist. du droit privé de la répub. ath. II (1897), стр. 538; G. Niccolini, Gli ectemori, Riv. di stor. ant. VII (1903), стр. 673; VIII (1904), 260 сл.; Swoboda, Beitr. zur gr. Rechtsgesch. (1905), стр. 258 сл.; Pauly-Wissowa, RE VII (1912), стр. 2803; Gilliard, Quelques réformes de Solon (1907), стр. 93 сл. По Санктису (De Sanctis, А'αθ.;<sup>2</sup> (1912), стр. 195) гектемория является одной из форм земельного кредита, и  $\frac{1}{6}$  часть урожая это есть процент на данный в кредит земельный участок. Ср. Busolt, там же, стр. 779, прим. 2 и 3.

отношений, с которой мы встречаемся, например, в американской и русской издольщине; рассматриваемая с одной стороны, она представляет снятие земли производителем у землевладельца, с другой — кабальный наем, порабощающий мелкого производителя владельцу земли.

И действительно, гектемор, как это уже отмечалось в литературе,<sup>1</sup> был связан целым рядом ограничений, ставящих его в положение раба. Как свободный арендатор, он владел движимостью и частью урожая; как раб, он не владел недвижимостью, не имел права выступать в судебном процессе, не мог жениться на свободной и лично зависел от своего хозяина. Он пользуется некоторыми правами при условии аккуратной выплаты своей *μισθωσις*; в противном случае, он, согласно Аристотелю, становился *ἀσώματος*, т. е. превращался в вещьную собственность господина, который отныне мог «вести и увести» его, куда хотел. Весьма любопытным кажется нам этот термин *ἀσώματος*, подчеркивающий не момент прикрепления гектемора к земле (что было бы неизбежным переходом в крепостное состояние), а как раз обратный момент — снятие его с этого участка, причем, однако, он не сходится с него прочь, как при капитализме, а «*уводится*» *хозяйном как его собственностью*. Таким образом, если в момент заключения договора гектемор испытывал на себе экономическое принуждение, и если уже в самом характере *μισθωσις* к экономическому примешивалось и внеэкономическое принуждение, то в заключении контракта, в условиях не отмирающего, а развивающегося рабства даже экономическое принуждение имело своим следствием принуждение внеэкономическое.

Таким образом, две категории крестьян-земледельцев у нас наметились: и беднеющие нелаты и работающие на чужих полях за  $\frac{1}{6}$  долю урожая гектеморы. И те и другие, конечно, владеют землей. Гектемор должен был владеть хотя бы карликовым земельным наделом, так как в ином случае он был бы фетом, т. е. поденщиком и на  $\frac{1}{6}$  урожая не мог бы прокормить себя и свою семью даже в обычное время, а не только в годы неурожая. Какое же место занимают в этом крестьянском хозяйстве феты?

В Солоновской конституции фетами являются все те, чей доход не достигает 200 мер. Было бы странно думать, что Солон выделил в четвертый имущественный класс специально людей наемного труда, или хотя бы обозначил его названием, акцентированным в первую очередь наемный труд. Напротив, нам кажется весьма вероятным, что известные нам уже по Гомеру люди наемного труда были потому и названы фетами, что они выходили, как правило, из среды мелких свободных производителей, принужденных по тем или иным причинам искать приработка на стороне. Таким образом, нелаты — более широкое понятие, охватывающее собою всю крестьянскую свободную бедноту. Нелат становился или гектемором или фетом в зависимости от условий и характера работы. Однако оставался возможным еще третий путь: сохранить свой земельный надел и пытаться вести само-

<sup>1</sup> Cp. H. S w o b o d a, Beiträge zur griechischen Rechtsgeschichte, Ztschr. d. Savigny-Stiftung f. Rechtsgeschichte, Röm. Abt., B. XXXIX, стр. 254—258. Weimar, 1905.

стоятельное хозяйство. Но в условиях уже денежного хозяйства мелкий производитель неизбежно сталкивался с конкуренцией крупного землевладения, построенного в основном на труде рабов-должников. Конкуренция эта, конечно, оказывалась не к выгоде мелкого производителя, и для поддержания самостоятельного хозяйства приходилось прибегать к займам у того же богатого соседа.

Основным моментом тяжелого положения крестьянства было право порабощения личности за долги. Аристотель отчетливо говорит, что до Солона ссуды давались всем под залог тела.

Свобода устанавливает несколько видов долгового рабства: рабство принудительное, по суду (его существование Свобода усматривает в Галикарнассе, на Крите — *νεμικαίμενος* и в Аттике), рабство добровольное, по договору о самозакладе (на Крите — *κατακείμενος*). Наряду с временным самозакладом (до отработки) имела место и бессрочная наследственная самопродажа. Последнюю форму Свобода считает исторически наиболее ранней, той, из которой развился самозаклад.<sup>1</sup>

Некоторые ученые высказывали предположение, что самозаклад личности вытекал из того, что у должников не было ничего ценного, кроме тела, так как те глиняные мазанки, в которых они жили, сами по себе не имели никакой цены.<sup>2</sup> Но мы знаем, что в Греции поля были покрыты ипотечными знаками — *ἕροι*. — так что, казалось бы, они могли заложить землю, не закладывая себя. Но могли ли они заложить землю, не заложив предварительно личности?

Если процесс закрепощения шел и здесь не через личность, а через землю, то встает вопрос: почему при закладе земли, в случае невыплаты ссуды, продавался должник, и не один, а со своей семьей?

Мы должны предположить, что все долговые отношения в Аттике и все долговое право развивалось в плоскости отношений человека к человеку.

Совершающийся здесь процесс диаметрально противоположен процессу закрепощения мелкого свободного производителя в условиях феодальной формации. Знатный или незнатный аттический землевладелец идет к захвату земли своего соседа через захват его личности, тогда как в хозяйстве феодала захват свободной личности вытекает из ранее совершившегося собственнического захвата земли.

В азиатской и классической древности преобладающей формой классового угнетения было, как известно, рабство, т. е. не столько экспроприация земли у масс, сколько анпроприация их личности; для феодализма же источником эксплуатации была, очевидно, анпроприация крестьянина к земле. Даже там, где земельные отношения наиболее напоминают собой феодальные, т. е. в Спарте, мы имеем за внешним сходством совершенно различную сущность. Здесь не происходит прикрепления свободного производителя к земле собственника; свободный производитель сначала побеждает, т. е. прямым физическим насилием обращен в раба, потом — в результате этого — у него отнята земля и, наконец, он, как раб, посажен на ту же, отнятую у него, землю. Ежегодное объявление войны илотам, так

<sup>1</sup> Swoboda. Beiträge... стр. 214—215.

<sup>2</sup> Ср. Judeich. Topographie v. Athen<sup>2</sup>, 1931, стр. 224, 268, 347; эту гипотезу, ссылаясь на Judeich'a, поддерживает и Busolt, там же, II, стр. 825 и прим.

называемые «криптии», может быть, представляют собой не что иное, как такую ежегодно повторяемую апроприацию личности.

Самая ипотека, эти каменные брѣи с именами должников или повых хозяев, была осложнена моментом личного порабощения должника. Возможность просто заложить землю с тем, чтобы в случае неуплаты долга она перешла в собственность ростовщика, открывается, очевидно, лишь после солоновского закона, запрещающего ссуды под залог тела.

Подводя предварительный итог, можно сказать, что в каждой общине Аттики земля уже в значительной степени была сосредоточена в руках знатных и незнатных богачей-ростовщиков. Остальные земли были в руках мелкого крестьянства, захудалых соседей-пелатов. Среди них мы также имеем различные степени малоземельности: 1) крестьяне с недостаточным наделом, принужденные для ведения *своего* хозяйства входить в долги у богатого соседа; их земли не теряют ипотечными знаками — брѣи. Преобладающая форма долгового обязательства — заклад не земли, а личности; в случае неуплаты должник с семьей обращается в рабство (на месте или с продажей на сторону), а участок земли переходит в руки кредитора; 2) крестьяне с карликовым наделом, которые не в состоянии прокормиться своим хозяйством. Они составляют кадры издольщиков-гектемов, обрабатывающих земли богатых соседей, главным образом, вероятно, земли, недавно отобранные за долги. Посев совершается путем семенной ссуды;  $\frac{5}{6}$ , уплачиваемые гектемором, погашают эту ссуду и представляют прибыль кредитора;  $\frac{1}{6}$  идет на полуголодное существование издольщика. Новый посев требует новой ссуды, — получается безвыходная кабала. Поскольку *μίσθωσις* определена как *часть урожая*, она *всегда* может быть уплачена. Если же тем не менее она не уплачивается и гектемор становится *ἀνώγιμος*, т. е. обращается в рабство, то, очевидно, это совершается путем «добровольного» самозаклада, т. е. гектемор предпочитает более устойчивое обеспечивающее прокорм положение раба неустойчивому полуголодному существованию гектемора; в этом случае раб, подобно критскому *κατακρίμενος*, не продается на сторону; 3) кроме задолженных крестьян, ведущих свое хозяйство, и гектемов, обрабатывающих земли богатых, мы имеем еще свободных наемных рабочих (с той оговоркой относительно их свободы, которая была выше сделана), в том числе и сельских рабочих-фетов. Фет — поденщик. Ему не грозит рабство. Что же толкает бедняка на путь гектемора? Очевидно, временный характер заработка, не обеспечивающий существования во время безработицы; далее — конкуренция растущего рабского труда; к этому еще присоединяется слабая развитость города и промышленности, возможность применить свои силы, главным образом, только в сельском хозяйстве на определенный срок «горячей работы». Таким образом, *φύσει* крестьянин мог лишь в качестве подсобного заработка. Феты, повидимому, выходят из среды крестьян с недостаточным наделом; может быть, это взрослые члены семьи, не находящие себе применения в скудном хозяйстве и уходящие работать «на сторону».

И долговое рабство и издольщина-гектемория оказываются неизбежным переходным состоянием в развитии рабовладельческого общества. Приток более дешевой рабской силы, как правило, закрывает

бедняку выход в феты и толкает его в положение спачала гектемора, а затем, силой конкуренции — в положение раба. Рабство вне общины является основной линией развития рабовладельческого общества, рабство внутри общины — дополнительной.

Однако, такое увеличение числа рабов за счет свободных граждан может продолжаться лишь до известного предела, за которым оно превращается в тормоз, подрывающий основные производительные силы общества — кадры свободных земледельцев и ремесленников. Далее, все возрастающее количество привозных рабов требует само по себе сохранения и укрепления числа свободных, как класса, противостоящего рабам. Некоторое время кабальный труд выдерживает конкуренцию с рабским трудом ценой более тяжелого экономического существования, чем существование раба. Но с развитием чисто рабовладельческого хозяйства этот кабальный труд делается фактически невозможным, становясь из прогрессивного момента — регрессивным. Тогда происходит отмена старого долгового права; это может произойти лишь тогда, когда привозное рабство настолько окрепло, что за его счет можно разрешить противоречия между бедняками и богатыми — гражданами Афинского государства.

Таким образом, соотношение сил ко времени Солонa оказывается очень сложным. В области экономической — движение деревенской бедноты проходит под экономическими лозунгами: снятия долгов и передела земли. Евпатриды настроены против всяких уступок. Это — крайние партии. Неродовитые богачи экономически стоят на стороне евпатридов, они против уступок бедноте, политически же — они склоняются к партии бедноты с целью добиться для себя необходимых политических прав на основе их имущества. Обедневшая знать, подобно богатой имущественной прослойке, заинтересована в возврате политических прав, но с другой стороны и в требовании сложения долгов, выдвигаемом беднотой. Эта борьба партий осложняется наличием метеков, заинтересованных в политическом переустройстве общества, и прежде всего — в допущении их к правам граждан.

Таким образом, к моменту выступления Солонa наметилась возможность к созданию крепкого блока, направленного против олигархической знати, узурпировавшей родовые права и обычаи в свою пользу.

Солонa выдвигали и свободные крестьяне, заинтересованные в избавлении от грозящего им рабства, должники-пелаты, заинтересованные в том, чтобы сбросить со своих полей ипотечные знаки, гектеморы, надеявшиеся на передел земли, захудалая знать, настроенная крайне оппозиционно к своим бывшим сородичам, и перодовитые богатые, требовавшие себе политических прав. Наконец, как на лучший выход из худшего положения, как на возможность сохранить привилегированное положение путем наименьших уступок, на Солонa рассчитывала и олигархическая знать.

Таким образом, как мы пытались показать, в сельской Аттике родовые формы разложились полнее всего, и здесь, может быть, поэтому легче всего было провести такую основательную и революционную, по своему характеру, реформу, как сложение долгов.<sup>1</sup>

<sup>1</sup> Алу (Solon, там же), указывает, что вопрос о сейсахфии в настоящее время может считаться решенным в том смысле, что она была аннулирована всех —

Борьба демоса с зажиточной верхушкой (в значительной мере, но не исключительно-евпатридской) шла, как указывают наши источники,<sup>1</sup> под лозунгом  $\tau\eta\varsigma \alpha\nu\alpha\delta\alpha\sigma\tau\acute{\omicron}\varsigma$  и  $\chi\rho\alpha\sigma\eta\ \alpha\pi\omicron\lambda\omicron\upsilon\phi\eta\iota$ . Удовлетворение второго из этих требований и составило сущность сейсахфии, которая и в источниках выступает как основная и первая реформа Солона. Оба источника, и Аристотель<sup>2</sup> и Плутарх,<sup>3</sup> отмечают, что народ находился в рабстве у богачей в силу задолженности. И земля, по свидетельству самого Солониа,<sup>4</sup> тоже находилась в рабстве. Возникает вопрос первостепенной важности: что же являлось обеспечением в этой массовой задолженности народа — личность должника или участок, на котором он сидел?

общественных и частных — долгов (Arist. Aθ. Πολ. 6, Seeck Klio 4, 1904, стр. 164 сл.). Лозунг  $\chi\rho\alpha\sigma\eta\ \alpha\pi\omicron\lambda\omicron\upsilon\phi\eta\iota$  — вплоть до Катилины (Sall. Catil. 21; Cic. in Catil. II, 18), как отмечает Aly был лозунгом, служившим признаком революционного движения. Долго пользовалось признанием приведенное Плутархом (Sol. 15) мнение Андриотиона, что Солон всего лишь провел 27%-е снижение долгов, как вывод — из снижения налогов (Ср. В о е с к, Staatshaushaltung d. Athener II<sup>3</sup> 326), хотя это противоречило и словам самого Солониа, приводимым затем Плутархом в опровержение мнения Андриотиона. Ср. Bruno Keil, Die Solonische Verfassung, Brl., 1892, стр. 44 сл. Keil справедливо указывает, что сейсахфия являлась основной целью реформы Солониа. Любопытно замечание Keil'я о трактовке этой реформы Плутархом (Sol. 15): *Τόδο γάρ ἐπιπέλατο πρότερον πολιτεύμα, γράφος ἐκ μὲν ἐπαρροῦτα τῶν χρεῶν ἀνστήσαι, πρός δὲ τὸ λατὸν ἐπὶ τοῖς σωματὶ μὴδένα δαμνέειν.* Таким образом, у Плутарха сначала — погашение старых долгов и затем — в предотвращение новых — запрет занимать под тело. У Аристотеля (Aθ. Πολ. 6) социальный момент выдвинут вперед: сначала — запрет займов под тело и затем, как необходимое следствие запрета — погашение долгов. Неточное и, как некоторые думают, евфемистическое название реформы — сейсахфией породило в науке ряд разнообразных толкований, об одном из которых мы только что говорили. В своей упоминавшейся выше статье Свобода считает, что сведение всех форм зависимости к одной общей основе — залоговому праву — приводит к иному пониманию сейсахфии: вопреки общему мнению, что сейсахфия распространилась лишь на некоторые виды долгов, в частности на ипотеку, Свобода утверждает, что Солон отменил все виды задолженности. Исключение составляют случаи, где право кредитора закреплено давностью: по суду приобретенные земли, просроченные залого, условно купленные, для которых истек срок выкупа, — остались за кредиторами. Затронуть эти владения значило бы пойти навстречу «крайним требованиям». И однако, заключает Свобода, мера Солониа была революционной. Ее «оправдание» в том, что она предотвратила «открытую, кровавую революцию». Это взгляд очень откровенный: оправдание «революционности» Солониа в предотвращении «революции»! Образцовая мораль идеолога буржуазии! Поэтому, несмотря на ряд интересных гипотез и большой проработанный материал, статья Свободы страдает поразительным отсутствием исторической перспективы, образом чего, например, является сближение гектеморов с колонами, метеками и илотами! Критика положений Fustel de Coulange'a и Wilbrandt'a также отличается, несмотря на некоторые правильные замечания, резкой односторонностью взглядов.

Сводку мнений о сейсахфии см. у Busolt'a II, 829. Glotz (Hist. ancienne, стр. 430—432) пишет: «Пренебрегая легкой популярностью, а равно и всяким угождением знати, отказываясь одновременно и перенернуть отношения собственности ( $\tau\eta\varsigma \kappa\omicron\upsilon\sigma\iota\upsilon$ ) и сохранить их в неизменном положении, Солон произвел решительную реформу, которую общественная признательность и суждение потомства назвали сейсахфией...». Решительнее он высказывается в работе *Le travail dans la Grèce ancienne*, 1920, стр. 103: «Mais la crise qui précède la réforme de Solon n'est si dramatique que parce qu'elle pose la question de savoir si la noblesse réussira ou non à donner la consécration juridique à la domination économique qu'elle exerce sur ses hectémores, en un mot, si thètes seront serfs ou citoyens. Sans la seisachtheia, Athènes devenait une petite Sparte».

<sup>1</sup> Arist. Aθ. Πολ. II, 2; Sol. у Arist., 12, 3; Plut. Sol. 13.

<sup>2</sup> Arist. Aθ. Πολ. 6.

<sup>3</sup> Plut. Sol. 15.

<sup>4</sup> Sol. у Arist. 12, 4 (Fr. 36), v. 3—16.

Повидимому, более распространенной и более древней формой обеспечения было *δανεισμός ἐπὶ τῷ σώματι*. Это непосредственно вытекает из того факта, отмеченного Марксом и Энгельсом,<sup>1</sup> что древнейшей формой апроприации была апроприация человеческой личности и уже через эту апроприацию личности совершался захват земли. Именно таким способом, главным образом, и должна была произойти первичная концентрация земли в руках выделяющихся из рода знатных семей (вторичных знатных «родов»). Уже гомеровские термины *πολύκληρος* и *ἄκλῆρος* указывают на возможность какого-то движения земли и скопления многих долей общинной земли в одних руках. Аристотель говорит даже о том, что все займы совершались под залог тела и это утверждение можно считать вполне соответствующим действительности с той лишь оговоркой, что хотя все займы совершались под залог тела, но не все случаи захвата клера совершались путем займа. Второй, также весьма распространенный, хотя, очевидно, более молодой формой была *πῶσις ἐπὶ λόβῃ*. Сравнительно более мягкая, по отношению к личности бедняка, форма эта объясняется тем, что за то состоятельный человек получал землю в свое пользование немедленно с момента сделки.<sup>2</sup> Очевидно, эта форма захвата земли могла развиваться лишь после того, как осуществлялся многократный фактический захват земли через апроприацию личности. В развитии этих форм мы наблюдаем самый процесс рождения земельной собственности, которая, конечно, должна была осуществиться *de facto* ранее, чем быть признанной *de jure*; последнее осуществилось в законодательстве Солоня. Мало того, можно думать что уже захваченные знатным эвпатридом или просто зажиточным общинником клеры начинали служить просто предметом купли-продажи без оговорки *ἐπὶ λόβῃ*.

Все эти различные и часто прямо противоречащие друг другу формы должны были существовать к моменту солоновского законодательства, которое, конечно, не могло, с одной стороны, основываться на пустом месте и выдумывать собственность на землю, если таковой фактически еще не существовало. А с другой стороны, это законодательство просто было бы излишним, если бы не было этого «хаоса переходных форм», не было пережитков старого общинного — даже родового — уклада, тормозившего свободное развитие частной собственности. *Πῶσις ἐπὶ λόβῃ* была как раз такого рода родовой формой, скрывавшей истинную сущность земельной сделки. Подобно тому, как эпиклерат, как мы видели выше, создавал возможность земельного движения внутри рода, так и здесь древнее правило «земля должна оставаться в пределах рода» нарушалось обходным путем — сначала отдачей *внутри* и даже *вне* рода права пользования землей, а затем правом продающего свой участок на его обратный выкуп. «Право» бывшего владельца на выкуп

<sup>1</sup> Маркс и Энгельс. Немецкая идеология, Партиздат, 1934, стр. 23.

<sup>2</sup> Ср. S. Woboda, ib., стр. 224: «πῶσις ἐπὶ λόβῃ» — «мнимая покупка» (Scheinkauf), «покупка с правом выкупа», «vente à reméré, vente à pacte de rachat» состояла в том, что кредитор становился собственником залога, что залог становился его (собственностью); передача собственности производилась тотчас же и, вероятно, не откладывалась до наступления срока уплаты долга; но собственность кредитора отнюдь не обязательно окончательная собственность: должник имел право, в пределах договорно установленного срока, посредством платежа освободить заклад; если он не освобождал, то кредитор становился окончательным собственником всей вещи.

есть ослабленная почти до неузнаваемости «обязанность» земли оставаться в пределах рода, затем общины.<sup>1</sup>

Древние родовые, в дальнейшем общинные, отношения уже настолько распатаны, даже более того, разрушены, что оказывается возможным под маской условности — ἐπι λύσει — выбросить бывшего общинника из общины. Но в то же время новые связи еще не оформились настолько, чтобы задолжавший общинник мог оставаться в рамках разрушающейся общины, строя свои отношения к займодавцу на новой основе. В сферу новых земельных отношений здесь вторгаются древние отношения собственности на человеческую личность. Частная собственность на землю фактически уже существует, но отзвуки родовой собственности заставляют строить долговые отношения как отношения личностей.

Таким образом, объясняется тот страшный и на первый взгляд противоречивый факт, что в то время, как уже существует и развивается продажа земли, ипотека оказывается еще связанной формами займа под залог личности должника. Те ἔροι, от которых Солоп освобождает землю, представляются нам не столько символами ипотеки в собственном смысле слова, сколько символами личной зависимости сидящего на них мелкого земледельца от кредитора. Самый термин, употребляемый Солоном, земля-раба (γῆ δουλεύουσα), в котором некоторые хотят видеть доказательство того, что процесс апроприации шел через землю, а не через личность, доказывает, по нашему мнению, противоположное. В этом образе совершается перенос как раз категорий личной зависимости на земельные отношения; или — земельные отношения воспринимаются как отношения личностей.<sup>2</sup>

Для историка же эти ἔροι являются символами рабства, в котором новые рождающиеся земельные отношения находятся у отживающих родовых форм. И так столбы, ἔροι, были не просто символами рабства земли, но буквально — рабством земли еще родовой; снимая эти захватнические знаки, Солоп в буквальном смысле освобождает землю; с уничтожением ипотечных долгов последние становятся объектом ипотеки. Категорически запрещая займы под тело, Солоп тем самым открывает

<sup>1</sup> В этом отношении наше толкование частично совпадает с комментарием С. Я. Лурье к Arist. 'Αθ. Πολ. 2, 2: ἡ δὲ πᾶσα γῆ δι' ἀλλήλων ἔν. (См. S. L u r i a, Bemerkungen zu Aristot. 'Αθ. Πολ. 1—16, Raccolta Lombroso, 1925, стр. 305—308). Нам кажется, что С. Я. Лурье совершенно прав, когда объясняет земельные отношения до-солоновской поры как вечный заклад, но не отношения частной собственности на землю. Мы только не можем согласиться с комментариями к солоновским стихам, цитируемым Аристотелем (12, 1):

δῆμο μὲν γὰρ ἔδωκα τῶσιν γέρας, ἕσσαν ἀπαρχαί  
τιμῆς οὐτ' ἀφελῶν, οὐτ' ἐπιρῆξιμος.

Смысл глагола ἐπιρῆξαι понят С. Я. Лурье абсолютно правильно, и с его переводом «etwas dazu geben, etwas hinzufügen» нельзя не согласиться. Но С. Я. Лурье как будто упускает из виду, что Солоп в своих реформах взял за норму отнюдь не предшествующее положение вещей, но нечто новое. Нормой в данном случае является: ἔδωκα, ἕσσαν ἀπαρχαί («довольно») и именно от этой нормы Солоном ничего не убавлено и не прибавлено. Совершенно ясно, что если бы шла речь только о старом, Солоп не употребил бы и глагола — ἔδωκα. Эти стихи Солопа означают, по нашему мнению, следующее: я дал в дар народу столько значения, сколько требует мера, ничего не убавив и ничего не прибавив.

<sup>2</sup> Юридическим понятием, противоположным γῆ δουλεύουσα, является понятие γῆ ἐλευθέρα, построенное по тому же самому принципу, т. е. представляющее земельные отношения в терминах отношения личностей: свободного и раба.

широкую возможность собственно земельной ипотеки. Более того — подобно тому, как ограничение приданого в движимости было лишь оборотной стороной — предписания давать это приданое в недвижимости, служа основной цели  $\gamma\eta$   $\kappa\alpha\iota\epsilon\iota\upsilon$ , так и запрещение займов под тело толкало мелких земледельцев прямо на путь ипотеки, уже освобожденной от отношения личностей.

Это порабощение земли стояло сильнейшим препятствием на пути превращения члена распадающейся сельской общины в мелкого владельца-парцельщика. Довольно распространён взгляд, будто задолго до Солоня уже существовало в Аттике парцеллярное крестьянское хозяйство, разрушенное затем «латифундиями» евпатридов и вновь восстановленное Солоном. Едва ли это так. Позади долгового закабаления аттического крестьянства стоит не свободный парцельщик, а сельская община, не частная земельная собственность, а общинное землепользование. Частная собственность на землю не предшествует захватническим актам родовитых и неродовитых аттических «кулаков и мироедов», но впервые в них рождается и развивается. Было бы в корне ошибочным думать, хотя именно так склонна думать буржуазная наука, что в основе частной собственности лежит акт свободного отчуждения; как раз наоборот — частная собственность в своей основе есть насильнический захват, разрушающий общинную. Так и  $\pi\rho\acute{\alpha}\sigma\iota\varsigma$   $\acute{\epsilon}\tau\iota$   $\lambda\acute{\upsilon}\sigma\epsilon\iota$  не является продажей земли парцельщикам, а лишь замаскированным актом земельного захвата. Таким образом, парцельщик возникает сначала, так сказать, в отрицательной форме; не как человек, обладающий правом свободно распоряжаться землей, но как человек, через посредство которого можно вырвать кусок общинной земли, обратив его в частную собственность. Выше мы говорили, что процесс выделения знатных родов из первичного рода давал на другом полюсе превращение рода в сельскую общину. В период, предшествующий Солону, знатные семьи, живущие традициями рода, становятся экономическими единицами, как бы центрами кристаллизации этой самой частной собственности, что опять-таки на другом полюсе дает распад сельской общины и превращение разоряющихся общинников пока лишь в потенциальных парцельщиков. Лозунг  $\gamma\eta\varsigma$   $\acute{\alpha}\nu\alpha\delta\alpha\sigma\tau\acute{\iota}\kappa\acute{o}\varsigma$  не является призывом назад к общине или даже роду, а лишь требованием раздела земли, требованием признать *de jure* мелких земледельцев такими же частными собственниками, какими *de facto* уже стали собственники крупные, и в этом требовании обнаруживается характерное для этого момента противоречие между родовой формой и неродовой сущностью.  $\text{I}\sigma\omicron\mu\alpha\rho\iota\alpha$ , выдвигаемая как принцип требуемого низами передела, восходит, конечно, к равенству первичных, еще родовых, клеров, но эти равные клеры мыслятся борющейся за них бедной уже как личная парцеллярная собственность. Именно потому Солон и «не мог возродить древний род», что род этот уже умер и за Солоном стояли не родичи, даже не общинники, а нарождающиеся парцельщики. Именно потому следующий за Солоном период является «новой классической расцвет», по выражению Маркса, что он не был простым восстановлением чего-то временно отесненного евпатридским землевладением, но приходом в жизнь новых форм, упорно и тяжело вырабатывавшихся в предсолоновский период.  $\text{I}\eta\varsigma$   $\acute{\alpha}\nu\alpha\delta\alpha\sigma\tau\acute{\iota}\kappa\acute{o}\varsigma$

в этот период был абсолютно невозможен, так как в период оживляющего движения земли и нарастания частной собственности на основе долголетнего землепользования совершенно немыслимо было осуществить возврат к вековым и неизменяющимся *οι αρχαία κλήροι*, о которых говорит Аристотель. Здесь получается сложный, но крайне любопытный, хоть и запутанный узел социальных взаимоотношений: то, что Солоон не идет навстречу требованию передела земли, это, конечно, уступка знати (мы бы сказали прогрессивная уступка регрессивным слоям общества). Но, по существу, это — уступка знати, направленная *против* знати, потому что в конечном счете отказ от передела земли приводит знать на основе развивающейся частной собственности к дроблению и захуданию родов, ко все шире проявляющейся возможности концентрации земли и в руках перодовитых элементов бывших общинников.)

Под термином *σεισάχθεια* подразумеваются два акта: с одной стороны, общее сложение долговых обязательств и тем самым возвращение ряда участков мелким земледельцам, находившимся в кабальной зависимости у зажиточных элементов, с другой стороны — освобождение из рабства дома и на чужбине ряда граждан, уже обращенных в рабство за невыполнение долговых обязательств.) Способ выкупа афинских граждан, проданных на чужбину, и судьба их по возвращении на родину остается, по данным источников, неясной. Никаких следов наделения их землею нет; напротив, есть все основания предполагать, что участки земли, уже прочно освоенные захватчиками, остались в их владении.<sup>1</sup> Смысл обоих актов после сказанного представляется нам совершенно ясным: сложение долгов, возвращение участков создавало кадры мелких земледельцев-парцельщиков.)

Этот акт возвращения значительного количества порабощенных афинян в среду свободных членов афинской, уже государственной, общины стал возможен лишь на основе значительно развившегося ко времени Солона привозного рабства, находившего себе применение в крупных сельских хозяйствах богачей. Это крупное хозяйство не было уничтожено реформой Солона, поскольку не произошло раздела земли, хотя и потерпело, несомненно, известный ущерб. Здесь, в крупных хозяйствах, рабы-сограждане и были заменены привозными рабами. С другой стороны, поставив предел концентрации земли, Солоон, однако, не устранил возможности обезземеления; напротив, скорее облегчил ее, сделав землю предметом ипотеки и продажи. Таким образом, свобода завещания и последственная необходимость равного раздела имущества между сыновьями покойного делали возможным дробление родовых крупных владений. Все это ставило известный предел дальнейшему развитию рабства в области сельского хозяйства.) В земельном отношении Атика шла как бы к пивеллировке; распадение крупных хозяйств и продолжающееся вытеснение наиболее мелких парцелл вело к образованию некоего среднего зажиточного сельского хозяйства с весьма умеренным применением рабской силы. Но зато вытеснение из сельского хозяйства более слабых экономически элементов, за которыми реформа Солона закрепила неотъем-

<sup>1</sup> Ср. анекдот о друзьях Солона.

лемо право гражданской свободы, толкала эти элементы в город на новый путь ремесленной и торговой деятельности и открывала широкое поле для дальнейшего развития рабства, по уже в новой экономической сфере.

Солоновская сейсахфия не только была обусловлена развитием рабовладельческого способа производства, не только стимулировала дальнейшее развитие его, но и явилась в истории этого развития рычагом, переведшим античное рабство на специфически греческий путь рабства торгово-ремесленного.]

Каждый свободный афинянин, число которых было увеличено реформой Солона, являлся на данной стадии исторического развития потенциальным рабовладельцем. И пусть ход исторического развития превратил одних, вытесненных из сельского хозяйства, парцелляторов в содержателей крупных рабских мастерских и ростовщиков, других сбросил вниз — к люмпенпролетариату, — община свободных афинян в целом противостояла численно-равной или превосходившей ее массе рабов как единый рабовладельческий коллектив. Освобождая аттическую землю от стеснявшего ее движения родового принципа апроприации земли через апроприацию личности, Солон не уничтожил и не мог уничтожить этот принцип как таковой. И в дальнейшем ходе истории — не только греческой, но и римской — захват чужих «варварских» территорий коллективом свободных рабовладельцев совершается на том же принципе апроприации личности.

Другими словами — отмененный внутри афинской общины этот принцип апроприации личности как раз и явился тем связующим началом, которое сплотило эту общину в единое целое по отношению к внешнему для нее миру.)

Таков был ответ Солона на первый лозунг, выкинутый восставшими бедняками; на второй, как известно, он ответил отказом. Почему?

Сам Солон говорит о том, что он старался держаться золотой середины<sup>1</sup> и, конечно, отказ от γῆς ἀναδασμός был своего рода «уступкой» крупным землевладельцам. Но корни этого отказа идут гораздо глубже. Процесс экономического развития дошел до того момента, когда принцип частной собственности на землю должен был получить свое окончательное оформление и юридическое признание со стороны также окончательно оформляющегося государства. Однако нельзя было утвердить принцип частной собственности на землю, начиная прямым его отрицанием. Не забудем, что крупная земельная собственность была лишь фактом, не получившим еще никакой санкции со стороны государства и вместе с тем единственным фактом, на который такая санкция могла быть направлена, так как вне нее, вне этой фактической земельной собственности богачей, как мы старались показать, находилась не парцеллярная собственность мелких земледельцев, но лишь обломки общинного землевладения. Полное разрушение крупного землевладения было бы поэтому не санкционированием мелкой собственности, а отрицанием земельной собственности вообще. И поскольку немалым переход от до-солоновского общества прямо в бес-

<sup>1</sup> Sol. fr. 5.

классовое общество, то мы имели бы здесь опять-таки невозможный возврат назад к доклассовому обществу, к первобытному коммунизму. Организовать мелкую земельную собственность государство могло путем лишь какого-то признания крупной, как единственно фактически существовавшей в этом переходном моменте.

Таким образом, в *сейсах* вообще, и в отношении Солона к требованию *γῆς ἀνάστασις* в особенности, сказывается та основная направленность солоновских реформ, которую мы пытались проследить на протяжении всей последней главы данной работы, а именно — утверждение принципа частной собственности на землю.

### III

Подведем итог, пока, конечно, предварительный.

(Своеобразие классовой структуры досолоновского общества заключается в том, что уже сложившемуся классу евпатридов противостоит народная масса, еще не нашедшая своего определенного места в новой структуре классового рабовладельческого общества: она оформлена в сельскую общину, все больше и больше распадающуюся, и теперь должна получить свое классовое оформление. Если бы ее движение окончилось разгромом, она оформилась бы в рабов, и Аттика, продолжая развиваться на основе рабства-должничества, была бы обречена на скорую гибель, ибо при малой плодородности земли, при отсутствии внутренних ресурсов развития, восточный путь сужения социальной базы и внутреннего рабства не мог быть для нее длинным путем развития. В этом случае свободные низы стали бы рабами. Но движение бедноты кончилось победой и бывшие рабы стали пизшей прослойкой общины рабовладельцев. Аттика вступила в новый фазис развития рабовладельческого общества — на путь уже не внутреннего, а внешнего рабства. Это глубоко отличает ее от восточного пути развития — здесь начало развития рабства в его более зрелой, типично античной форме. Таким образом, разрушение сельской общины идет по линии развития рабовладельческого способа производства, и вместе с тем это противоречие вчерашнего свободного и сегодняшнего раба чревато большими последствиями и является основанием дальнейшего социального расслоения внутри самого коллектива рабовладельцев.)

Этот процесс разложения сельской общины, как совокупности ее членов, т. е. превращение свободных общинников в рабов, был вместе с тем и разложением общинного землевладения. На старом родовом принципе апроприации личности происходила апроприация клеров сначала в отрицательной форме экспроприации их из общей массы общинных земель. В значительной степени, может быть, это движение клеров и концентрация их совершалась даже в пределах старой общины; так, вероятно, возникали «кулацкие» крупные хозяйства неевпатридских семей. С другой стороны, концентрация клеров в руках знатных семей, стоявших над сельскими общинами и между ними, уже разбивала территориальные границы сельской общины и создавала более свободное движение клеров внутри афинской синоикизированной территории. Реальной базой этого движения клеров были,

конечно, создающиеся в процессе роста производительных сил новые частновладельческие земельные отношения. Но поскольку принцип частной земельной собственности получил свое государственное оформление и юридическое признание лишь в законодательстве Солона, до-солоновское движение клеров было, подобно ряду других явлений, прикрыто родовой формой. В обществе продолжали существовать и действовать старые родовые, хотя уже и реформированные развивающимся государством, деления. Задолженность развивалась, как личные отношения более близких или более далеких, но все же родителей, и клеры, переходя из рук в руки, оставались теми же клерами (термин, который продолжает вытывать и дальше в исторической Аттике), то есть долями, вырезанными из целого, собственником которого оставался некоторый коллектив, связанный пережитком кровно-родственных отношений. Таким образом, разбивая сельскую общину, как таковую, этот процесс создавал более широкую, уже государственную, общину афинских граждан и свободное обращение земли было возможно лишь внутри этой общины, которая извне была попрежнему отграничена почти непреходимой чертой для человека *кровно* не принадлежащего к этой общине.

Революция, начатая Солоном, экономически была признанием и закреплением со стороны государства права частной собственности на землю в форме главным образом мелкого и среднего парцеллярного землевладения. Тем самым социально она была оформлением класса свободных парцелльщиков как низшего слоя единого рабовладельческого коллектива на основе уже развитого рабства. При экономической неустойчивости мелкого землевладения, уже лишено поддержки общинно-родовой собственности, этот социальный момент солоновской революции толкал афинское общество в дальнейшем к развитию города, к развитию ремесла и торговли на той же рабовладельческой основе. По этому пути торгово-ремесленного развития пошло афинское общество в целом, вследствие того, что (как мы сказали несколько выше) государственная земельная собственность свободных афинских рабовладельцев была с этих пор отгорожена резкой чертой от всякого неафинского элемента; наконец, политически солоновская революция окончательно уничтожает родовую структуру государственной власти, вводя принцип имущественного ценза и лишая родовые героические генеалогии их политической значимости. <sup>1</sup>

<sup>1</sup> В своих комментариях к Аристотелю, о которых мы уже упоминали, С. Я. Лурье толкует всем известную фразу «Афинской Политии» (6, 1): *Σόλων τὸν τε δῆμον ἡλευθέρωσε... καὶ ὑρεῖν ἀποκοπὰς ἐποίησε*, в том смысле, что все земли, которыми фактически владели крупные землевладельцы посредством заклада, были для них теперь потеряны, взамен чего они получили возможность уже легального приобретения участков, что и должно было неизбежно произойти, так как мелкое крестьянство, получившее наделы, не имело живого и мертвого инвентаря. Однако и с точки зрения С. Я. Лурье до полного земельного уравнивания дело далеко не дошло и требование неомойрии Солоном удовлетворено не было; вот почему нам кажется, что все же необходимо ограничить утраченные крупными землевладельцами участки только участками, захваченными сравнительно недавно под валог тела, и признать, что значительная часть земель, освоенных более прочно, осталась в руках крупных владельцев. Допускать полную конфискацию захваченных участков, это значит признавать, что реформы Солона вообще ликвидируют крупное землевладение в Аттике, так как за вычетом незаконно захваченных земель бывших общинников в руках «крупных» землевладельцев оставались бы одни только *τέμενοί*, размеры же этих отрубных

Таким образом, Центральным моментом, так сказать осью солоновского законодательства, вокруг которой группируются и которой объясняются все его реформы, было рождение мелкой земельной собственности и правовое ее закрепление молодым государством. В эту цель били, как мы видели выше, все реформы Солона и это четко отмечает и Энгельс, резюмируя в значительной мере все реформы Солона кратким замечанием: «Здесь, таким образом, вводится в конституцию совсем новый элемент — частная собственность».<sup>1</sup>

Частная собственность (имеется в виду, конечно, частная собственность на землю, ибо солоновский ценз — натуральный ценз) не создается государством из ничего, но лишь признается им и вводится в конституцию. Энгельс говорит, что родовой строй не мог оказывать эксплуатируемому народу никакой помощи.<sup>2</sup> Солон не мог возвратиться к жизни древнеафинский род<sup>3</sup> — потому, что сам эксплуатируемый народ уже вырос из рамок родового строя и боролся не за восстановление древнего рода, а за участие в политической власти, за свою долю в государственном управлении.)

Равным образом народные массы не стремились к восстановлению собственности родовой, но к государственному признанию их частновладельческих прав на клеры общинной земли. Лозунг *ἡς ἀναδασμό;* совсем не то, что общинное *ἡς ἀναδασμό;*; дело шло об единичном акте, а не о периодических переделах. Собственность кредиторов, пострадавшая в революции Солона в интересах собственности должников, и собственность этих должников различались лишь как собственность крупная и собственность мелкая: никоим образом нельзя видеть в этих двух видах собственности — собственность, характеризующую различные формации; нельзя трактовать собственность кредиторов как собственность родовую, а собственность должников как античную рабовладельческую собственность. В процессе развития античной формы собственности как собственности общинно-государственной революция Солона сыграла лишь ту роль, что расширила и вместе теснее замкнула с паружки коллектив свободорожденных рабовладельцев. Что же касается самого принципа античной рабовладельческой собственности, то его солоновская революция получила уже в готовом виде от предшествующего переходного периода.

Вообще, отнюдь не отрицая чрезвычайной важности солоновской революции в процессе революционного становления рабовладельческого общества, нельзя, однако, преувеличивать это значение, и, схематизируя исторический процесс, превращать 594-й год в точку, в которой все сложные пути этого развития одновременно и равно-

земель в пределах Аттики могли быть сравнительно небольшими, так что невозможно строить более или менее крупное землевладение только на владении теменосом. Такая полная конфискация возвратила бы Аттику к «гомеровским» временам, а, может быть, даже и к «догомеровским», — с той лишь разницей, что территория общины оказалась бы разделенной на ряд мелких хуторов, со стоящим рядом с ними и вне них относительно небольшим вырезом басилея.

<sup>1</sup> Fr. Engels, *Ursprung der Familie, des Privateigentums und des Staats*, М. — Л., 1934, стр. 106: «Hier wird also ein ganz neues Element in die Verfassung eingeführt: der Privatbesitz».

<sup>2</sup> Engels, там же, стр. 104.

<sup>3</sup> Ср. Энгельс — Даниельсону (Адоратский, Письма, 1932, 330).

мерно преломились и стали из родовых путей путями классового рабовладельческого общества. Ошибка возникает естественно в результате скудости сведений о предшествующем периоде и не случаен, конечно, тот факт, что в другую сторону солоновская революция не представляется нам так резко отграниченной и мы говорим о революции Солон — Клисфена, причем для нас ясно, что реформы Клисфена, находясь в органической связи с законодательством Солон, являются окончательным завершением законодательства, начатого Солоном. Реформа родовых организаций (вероятно, где-то еще на рубеже II и I тысячелетий) и выделение знатных семей, отразившееся в традиции, в форме «фесеевского» деления общества на классы, далее учреждение коллегии архонтов, введение территориального деления в навклариях — вот те моменты, которые при всей скудости наших сведений о них мы обязаны признать *по-своему* не менее важными, чем законодательство Солон. Даже элемент вооруженной борьбы нельзя приурочивать схематически грубо к 594-му году. Традиция храпит смутные воспоминания о «Килоновой смуте» и о революционном характере «Драконтовской» кодификации, вызванной требованиями притесненных народных масс.

Итак, реформы Солон не создали впервые государственную власть в Аттике; они лишь расширили ее социальную базу и видоизменили самые органы этой власти, частью вводя новые не-евпатридские элементы в уже существующие органы — архонтат и через него в Ареопаг, — частью, ставя наряду со старыми новые, построенные уже всецело на новом принципе, как совет четырехсот. Но, вводя новый принцип избрания по имущественному цензу, Солон не создал никакого нового избирательного аппарата. Единственными, действующими в афинском обществе делениями, оставались отживающие родовые деления, которые и должны были на первых порах служить базой реформированной системе избрания должностных лиц. Этим обстоятельством, конечно, крайне снижалось значение проведенной реформы: Евпатридские элементы в рамках старых родовых делений продолжали в силу многовековой традиции и продолжающейся экономической зависимости бедноты от богатых землевладельцев играть доминирующую роль. Избрание нового органа — совета четырехсот немислимо вне каких-то территориальных избирательных округов, и вот это-то территориальное деление и продолжало попрежнему тяготеть к определенным центрам — к родским евпатридским гнездам. С другой стороны, значительные массы были уже выброшены в город, в Афины, и как ни мала абсолютно территория Аттики, все же она была достаточно велика для того, чтобы этот городской элемент терял фактическую связь с территорией, к которой его призывали его кровные связи. Для того чтобы новая организация власти полностью вошла в жизнь, необходимо было сделать еще один шаг: произвести реформу самих избирательных территорий; заново переделить в административно-избирательных целях территорию Аттики, не только не считаясь, а даже прямо наперекор этим старым делениям. Политические волнения, которыми наполнены годы непосредственно следующие за реформой Солон, имели в виду как раз этот окончательный разрыв родовых уз, лежавших на новой государственной власти, но тут получался заколдован-

ный круг. Органы власти, избранные на основе старой системы не были способны провести реформу этой системы. Государственная власть прежде чем ликвидировать эти остатки родовой системы должна была *de facto* порвать с теми корнями, из которых она выросла. Ход исторического развития выдвигал, так сказать, требовавшее доказательства положение, что государственная власть может существовать вне всяких родовых связей и систем. Государственная власть в руках родовой знати была обнаружением силы этой родовой знати; факты исторического развития должны были показать, что государственная власть есть просто обнаружение силы уже без всяких родовых оговорок! Таким образом, молодое государство в момент своего окончательного становления с исторической неизбежностью должно было найти свое выражение в оторвавшейся от всяких традиций и покоящейся открыто на принципе силы (наемная вооруженная охрана) — тирании.]

И действительно — кружение по тому заколдованному кругу, о котором мы выше говорим, по свидетельству традиции, два раза приводит Афины к анархии. Архонты вообще не избираются. Мы не знаем, как происходил, так сказать, технически такого рода срыв выборов, но мы понимаем ясно причину его. Архонты не избирались потому, что по старой системе они и не могли быть избраны так, как они должны были быть избраны в новых условиях государственной жизни Афин. И вслед за этой анархией производится попытка открытого захвата власти Дамасием, т. е. — попытка установления тирании.

Следующее за этим избрание 10 архонтов<sup>1</sup> было, очевидно, попыткой какого-то компромиссного решения. То обстоятельство, что здесь перед нами как бы оживает старое «фесеевское» деление, отнюдь, конечно, не указывает на какой-то сдвиг назад. Напротив, появление в числе десяти архонтов трех демиургов, равно как и все это четкое классовое деление коллегий архонтов говорит, может быть, за то, что здесь была сделана попытка образования высшей правительственной коллегии на ином принципе, чем действовавшее при «нормальном» ходе избрания деление по филам, фратриям и родам. В этом тройном делении уже четко намечены те три партии, борьбой которых наполнены следующие годы: педиеи, паралии и диакрии. В этих партиях выразился вполне тот хаос противоречий, в котором находилось афинское общество в этот период. С одной стороны, несомненно, в этом делении играл очень значительную роль классовый принцип: крупные землевладельцы, мелкие свободные и освобожденные крестьяне и городской элемент; но с другой стороны, с этим классовым делением несомненно переплетались пережитки былой территориальной автономности отдельных частей Аттики, что в свою очередь как-то перекликалось и с родовым делением на филы; ведь не случайно названия всех трех территориальных партий фигурируют в традиции и как названия территориальных родовых группировок. Но сложная и запутанная в своих корнях борьба этих партий представляется вполне ясной по своей направленности. Уже появление Солона в роли полномочного распорядителя реформатора несло в себе, как это отмечается и в литературу

<sup>1</sup> Arist. АФ. пол., 13, 2 согласно лондонскому папирусу их было десять : 5 евтридов, три — агроика и два демиурга; по берлинскому папирусу их — девять: чети евпатрида, три агроика (в тексте ошибочно — атоико) и два демиурга.

элементы тирании. Но Солон был выдвинут в результате компромисса, который был необходим, но очень быстро тем самым и показал свою несостоятельность. Борьба партий перед появлением Писистрата представляет собою естественное продолжение того же процесса, т. е. стремление к тирании, но уже с четко выраженным классовым признаком.

Победа педиеев во главе с Ликургом, конечно, не привела бы Атику назад к восстановлению господства родовой знати, но, проведя ее через тиранию Ликурга, оформила бы новое государство, как олигархию крупных землевладельцев. Точно так же, как победа паралиев была бы ничем иным, как установлением тирании Мегакла и выдвиганием на первый план городского торгового элемента в ущерб элементам земледельческим. Однако, на данной стадии исторического развития Атика не обладала достаточно мощным классом крупных землевладельцев, чтобы превратиться в олигархию землевладельческой знати; равным образом, и торговое развитие не могло создать из нее античной Венеции или Генуи; Атика вступила в тот период своего расцвета, когда свободное ремесло и свободное мелкое землевладение должно было стать основой экономического развития общества. Таким образом, естественный ход развития передал тиранию в руки Писистрата.

В правление Писистрата государство выступает уже как вполне осознавшая себя сила, уже при самом возникновении своем опирающаяся на наемные вооруженные отряды. В отношении к оформившейся при Солоне частной земельной собственности государство Писистрата заявляет себя верховным коллективным частным собственником, однако, не в смысле феодальной двухстепенности или многостепенности, а в смысле права государства на превращение частной собственности отдельных граждан в собственность государственную. Отсюда конфискации земель, принадлежащих знатым семьям не для возвращения их в род, а для раздачи по усмотрению государства в собственность мелких свободных производителей. Как верховный собственник государство выступает и в факте организации прямого имущественного налога:  $\frac{1}{10}$  или  $\frac{1}{20}$ .<sup>1</sup> Этот прямой налог возникает в момент, когда окончательно ставшее на ноги государство с необходимостью проявляется в более резкой форме, отделенной от масс государственной власти — тирания. На следующей стадии, порвавшее окончательно при Писистрате с родовыми корнями, государство организуется на расширенной базе афинской демократии (Клещен); и эта — уже государственная община афинских рабовладельцев будет стремиться к образованию государства в расширенных территориально пределах и к роли «коллективного тиранна» по отношению к союзным зависимым общинам: тогда и прямой имущественный налог, как источник государственного дохода, заменится данью зависимых от господствующей общины союзников. Выступая как собственник, получающий определенный доход, государство, естественно, организует и государственные же расходы в форме государственного строительства, создания флота, и,

<sup>1</sup> По Фукидиду —  $\frac{1}{20}$  (Thuc. VI, 54, 5), по Аристотелю, повидимому, —  $\frac{1}{10}$  (Arist. 'Αθ. πολ. 16, 4, 6). Ср. De Sacris, Арист., стр. 307—308.

особенно характерно, — государственного кредита. Становясь над частной собственностью и тем самым над частной жизнью отдельных граждан, государство, естественно, вводит в свою сферу и вопросы культа: именно здесь местные родовые культы превращаются в государственную религию, на которую опирается государственный аппарат. Гекатомпедон, возникающий на месте старого микенского «дворца», является внешним выразителем этого нового союза государства и религии.

Тирания Писистрата, как мы сказали, имела иную социальную базу, чем та, на которой покоилась бы тирания Ликурга или Мегакла: опорой Писистрата в первую очередь было мелкое и среднее землевладение. Но не будучи готовы к роли античной Венеции или Генуи, Афины тем не менее неуклонно шли по пути торгового и ремесленного развития. И тирания во всех своих государственных предприятиях способствовала дальнейшему и более быстрому развитию ремесла и торговли. При Писистрате, по данным керамики, возникают и крупные рабовладельческие мастерские. Таким образом, победа диакриев во главе с Писистратом подготовляла новый и завершительный этап революции, проведенный Клисфеном. Алкмеонид, сын Мегакла, Клисфен объединит диакриев и паралиев, пополнит состав граждан богатыми метеками. В итоге будет создана типичная для Афин периода расцвета база среднего землевладельца плюс пышно развивающееся ремесло и торговля, тогда как крупное землевладение педееев будет отеснено в период расцвета Афин на второй план, чтобы возродиться лишь на иной основе в период экономического кризиса IV в. до н. э. С этим торгово-ремесленным развитием тесно связана борьба за приобретение новых рынков. С захватом Сигея Афины приходят в ближайшее соприкосновение с надвигающейся с востока Персией. Необходимость столкновения должна была чувствоваться и вызывать со стороны руководителей молодого афинского государства ряд мероприятий по подготовке к нависающей военной угрозе. В заботе о флоте Писистрат до некоторой степени предвосхищает ставшую затем неизбежной политику Фемистокла. Но бывшая необходимым историческим этапом на заре афинской государственной жизни, тирания была этапом переходным. Как мы говорили выше, ее исторический смысл заключался, так сказать, в доказательстве положения о возможности для государства существовать вне всяких родовых корней. Деятельностью Писистрата положение это было доказано, при Писистратидах эта, резко обособленная от массы свободных, государственная власть теряет свой *raison d'être* и вырождается в аппарат захватнической эксплуатации.

В тирании Писистрата государство отчетливо выступило на сцену и отчетливо заявило свое «я», как стоящее над индивидуальными и родовыми связями отдельных граждан; Писистратиды уже сами выступают как государство, но также как узурпаторы государственной власти. И если в тирании Писистрата государство впервые отчетливо показывает свое лицо, как бы заявляя: — «это — я», то на втором этапе Писистратиды подхватывая это заявление, переделывают его в «государство — это мы». Естественно поэтому, что окрепшее в тирании Писистрата государство, сбрасывая с себя тираническую Писистратидов, как выродившийся остаток уже изжитой формы.

За свержением Писистратидов следует короткая борьба за власть между педияями, действующими в союзе со Спартой, и объединяющимися под предводительством Клисфена паралиями и диакриями. После неудачной попытки тираннии Исагора, власть переходит в руки Клисфена и революция VI века вступает в свой заключительный этап.

Древние родовые подразделения, продолжавшие оставаться и после солоновской реформы базой для избрания государственных властей, окончательно слабеваются Клисфеном, и территория государства делится на ряд избирательных округов по чисто-территориальному принципу. В нашу задачу не входит сейчас детально разбирать этот — огромной важности — вопрос о реформе фил.

Основой избирательной системы стали новые филы, причем деление Афин с окрестностями было проведено таким образом, что афинский округ и тем самым афинское народное собрание являлось как бы постоянным представительством всех десяти фил. Это новое деление, однако, подобно старому досолоновскому делению должно было служить основой не только системы избрания властей, но и основной военной организации общества. Это последнее, ввиду несомненно осознаваемой неизбежности военных столкновений, требовало коренных реформ. Числовая схема досолоновского общества была создана искусственно, именно как основа военной организации применительно к тогдашней численности населения Аттики около периода «фесеевского» синойкизма. За 500 лет население Аттики сильно увеличилось; увеличились, тем самым, и ее военные силы. Военные единицы, соответствовавшие филам, естественно стали черезчур громоздкими и требовали, по соображениям военной техники, подразделения на более мелкие с одновременным увеличением общего их числа. Новое число фил — десять, может быть, и было продиктовано военными соображениями, т. е. установлено таким образом, чтобы фила как военная единица представляла максимальные тактические удобства. Таким образом, клисфеновское деление, подобно древней числовой схеме, выступает как военная организация афинского общества, но, если родовая числовая схема была организацией вооруженного народа, то клисфеновская схема выступает уже как военная организация класса рабовладельцев, необходимая и для господства над численно все возрастающим классом рабов и для внешней завоевательной экспансии и для защиты своего полиса.

Соответственно с новым территориальным делением реформируются и органы государственной власти, и Афины получают ту организацию, которая известна под именем афинской демократии.

Ряд изменений в конституцию будет внесен реформами Эфиальта и Перикла, но все существенные черты этой конституции уже налицо в конституции Клисфена.

Так заканчивается пятисотлетний период, начинающийся около 1000 г. до н. э. политическим объединением Аттики (так называемым «фесеевским» синойкизмом), период, в течение которого первый росток государства, пробивающийся в этом синойкизме, достиг полного своего выражения и развития.

Родовая знать, выделявшаяся в начале периода в особый класс, сыграла свою положительную роль в процессе образования государ-

ства, явившись первой носительницей возникающей государственной власти, но к концу периода из движущей силы выродилась в тормаз, так как представляемая ею государственная власть была лишь приспособлением старых родовых органов, узурпированных ею, к новым условиям, создаваемым ростом производительных сил.

В процессе уже классовой борьбы, заполняющей вторую половину этого периода, эта родовая знать потерпела поражение как знать родовая: репрессивные удары были нанесены ей революцией Солона, тиранией Писистрата; Клисфеновский этап революции отмечает обломки родовой знати, которые пытаются удержаться после свержения Писистратидов, опираясь уже не на древнюю мощь знатных родов, а на иноземную поддержку олигархической Спарты.

В самой Аттике их поддерживает, так сказать, лишь сила исторической инерции: обломки старого родового деления, быть может, даже обломки сельской общины, традиционно тяготеющей к уже полуразрушенным родовым гнездам.

Клисфен, перекраивая административную карту Аттики и одновременно значительно пополняя коллектив свободных рабовладельцев свежим, чуждым родовой традицией, элементом метеков и вольноотпущенников, лишает обломки родовой знати их последней опору в родовой традиции.

Но, являясь последним ударом против отживших родовых органов революция Солона-Клисфена в то же время оказывается первым звеном нового этапа классовой борьбы; основным противоречием античного общества становится отныне не противоречие между поработавшими и поработанными элементами единого афинского народа но противоречие между классом свободного коллектива рабовладельцев и классом привозных рабов.

Однако, это противоречие осложняется классовой борьбой внутри самого рабовладельческого коллектива с одной стороны, и противоречием между гражданами и метеками — с другой. Противоречия эти лишь временно затихают под влиянием внешней опасности со стороны Персии, заставляя на время сплотиться всех свободных; но уже во время греко-персидских войн коллектив полноправных граждан распадается на два враждующих лагеря.

Таким образом, революция Солона-Клисфена является не только завершением борьбы против родового строя уже в рамках государственного общества, но и началом борьбы и новых условиях, — в условиях прочно установившейся рабовладельческой системы хозяйства, — борьбы между свободными бедняками и свободными богачами.]